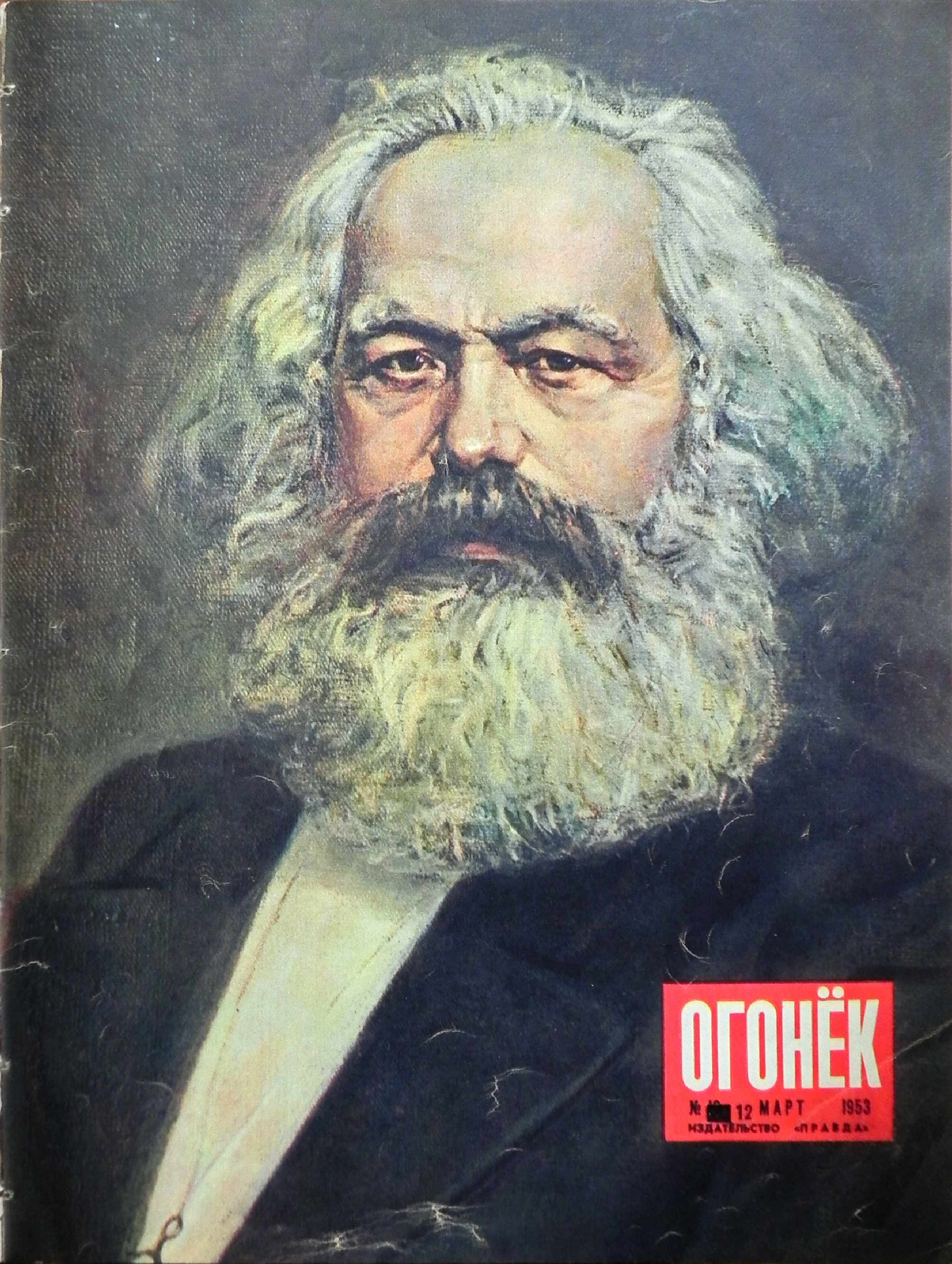


ОГОНЁК
№ [redacted] 12 МАРТ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Делегация Германской Демократической Республики посетила Грузию и побывала в колхозе имени Руставели, Сухумского района. На снимке: встреча бригадира шахтерской бригады Героя Труда Германской Демократической Республики Шарлотты Прассе со звеньевой колхоза Героем Социалистического Труда Д. А. Боджолян.

Фото Е. Тиханова.

На первой странице обложки: КАРЛ МАРКС.
Портрет работы А. А. Сапожникова.

На четвертой странице обложки: На лыжную вылазку.
Фото Е. Умнова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

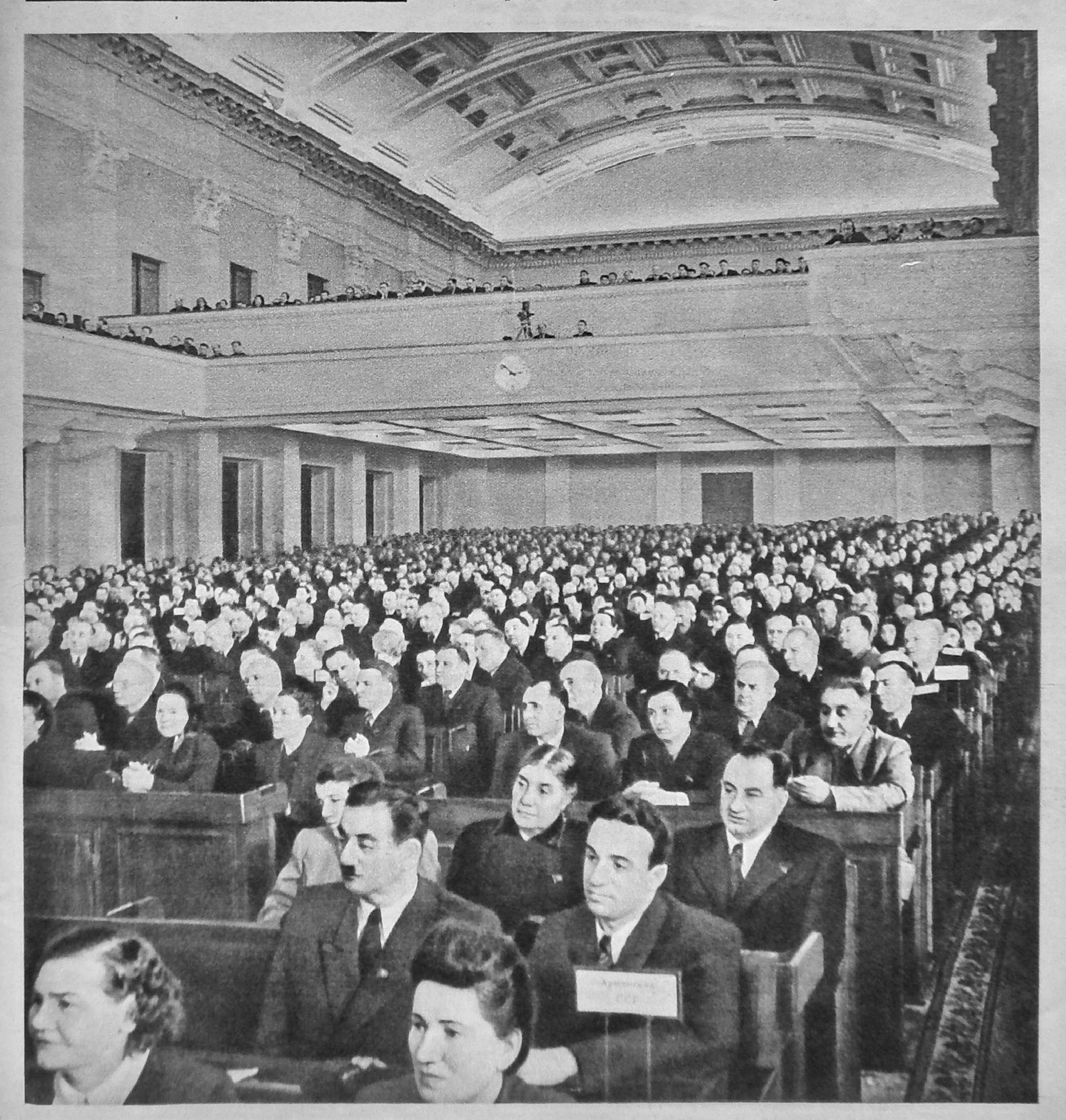
№ 12 (1345)

22 МАРТА 1953

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Мы пойдем вперёд по пути строительства коммунизма в тесном единении партии, Правительства и советского народа, дружной братской семьей всех народов Советского Союза!



15 марта 1953 года в Москве в Большом Кремлевском Дворце состоялась Четвертая сессия Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. На снимке: в зале заседаний сессии.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева.



Заседание Верховного Совета СССР 15 марта 1953 года. На снимке — за столом председателя (слева направо): заместители Председателя Совета Национальностей **В. Т. Лацис, М. В. Зимянин, Т. М. Матиашвили, М. Т. Якубов,** Председатель Совета Национальностей **Ж. Шаяхметов,** Председатель Совета Союза **М. А. Яснов,** заместители Председателя Совета Союза **Т. М. Зуева, А. И. Кириченко, А. И. Ниязов, А. Ю. Снечкус.** В ложах — товарищи **Л. П. Берия, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин** и другие. На трибуне — Председатель Совета Министров СССР товарищ **Г. М. Маленков.**

Фото В. Савостьянова и В. Егорова (ТАСС).

ЧЕТВЕРТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

15 марта в Москве, в Кремлевском дворце, состоялась Четвертая сессия Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик.

Впервые Верховный Совет собрался без товарища Сталина. Вся страна переживает неизмеримую боль утраты гениального вождя, вдохновителя и организатора побед социализма, отца народа. Сотни миллионов тружеников всего мира в скорбном молчании проводили в последний путь великого друга и учителя, имя которого было и будет знаменем в борьбе за счастье человечества.

В дни всенародного траура советские люди поклялись еще теснее сплотиться вокруг Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, вокруг Советского правительства, с удесятеренной энергией продолжать великое ленинско-сталинское дело построения коммунизма, выполнить заветы своих великих вождей.

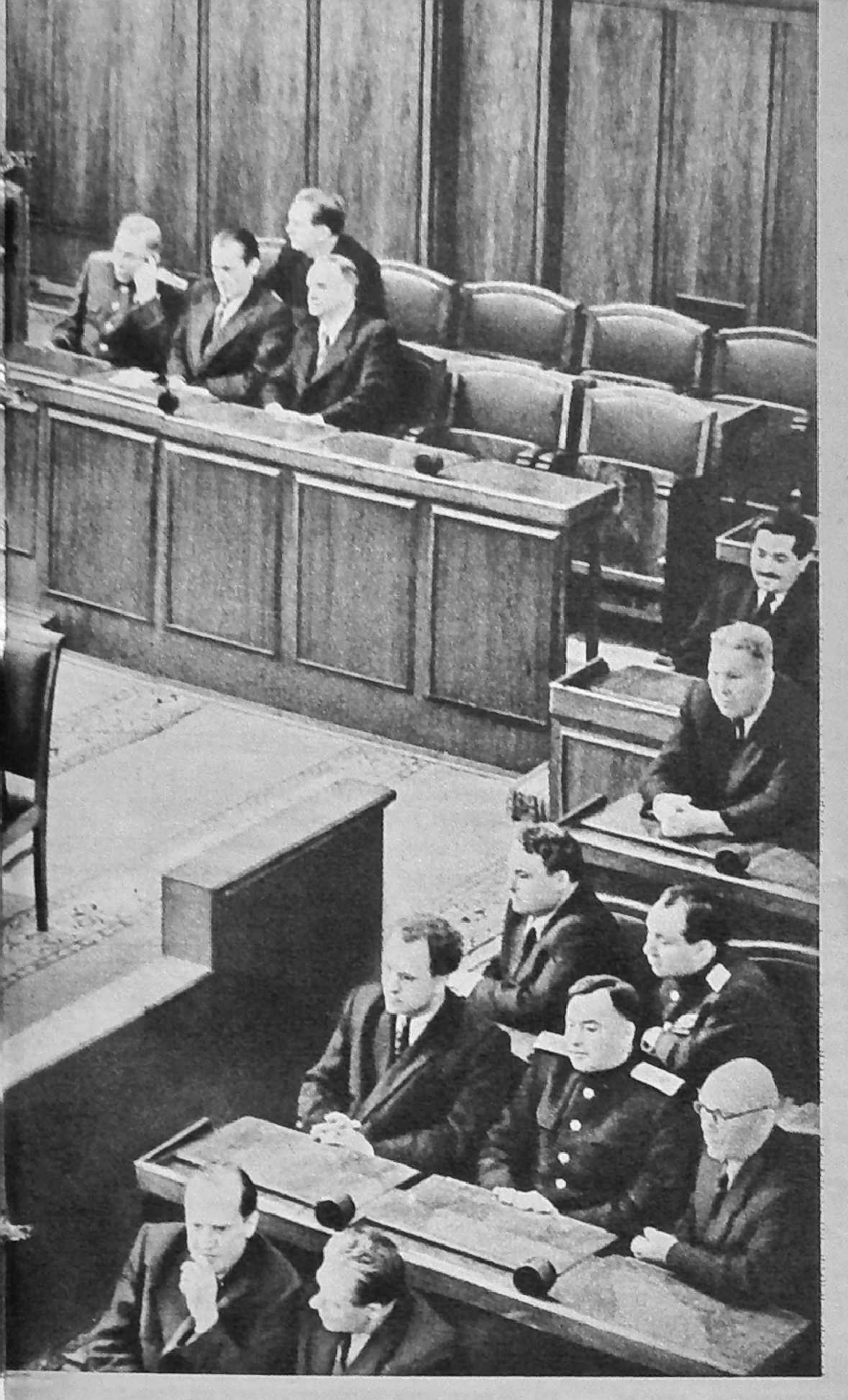
Выдающиеся сталинские соратники и ученики — товарищи Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов — призвали советский народ множить свои усилия в осуществлении грандиозных задач, стоящих перед нашей страной. Сплочение советских патриотов вокруг партии и правительства находит выражение в самоотверженном труде на благо Родины, во имя строительства коммунизма.

В эти исторические дни собралась IV сессия Верховного Совета СССР.

Яркой демонстрацией единства, безграничного доверия к руководителям Коммунистической партии и Советского правительства явилась бурная овация, возникшая в зале, когда депутаты и гости, стоя, приветствовали появление товарищей Г. М. Маленкова, Л. П. Берия, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, Н. С. Хрущева, Н. А. Булганина, Л. М. Кагановича, А. И. Микояна, М. З. Сабурова, М. Г. Первухина и других руководителей партии и правительства.

В скорбном молчании депутаты и гости почтили вставанием память великого Сталина.

Сессия почтила вставанием память Президента Чехословацкой республики, верного друга Советского Союза Клемента Готвальда и



Под сводами Большого Кремлевского дворца гремит долгая, бурная овация в честь товарища Маленкова.

Сессия единогласно принимает решение: назначить Георгия Максимилиановича Маленкова Председателем Совета Министров СССР. Депутаты и гости, стоя, бурными аплодисментами приветствуют талантливого ученика Ленина, верного соратника великого Сталина.

В зале снова возникают долго не смолкающие аплодисменты, когда тов. Г. М. Маленкову предоставляется слово по вопросу о составе Совета Министров СССР и преобразовании министерств СССР.

Товарищ Маленков благодарит за большое доверие и высокую честь, которую оказали ему депутаты, поручив представить состав Правительства.

Товарищ Маленков говорит, что мероприятия по укрупнению существующих министерств назрели не сегодня. Они уже длительное время, при жизни товарища Сталина, вместе с ним, вынашивались в партии и Правительстве. Проведение этих мероприятий в жизнь ускорено в связи с тяжелой утратой, которую понесла страна.

«Мы исходим из того,— говорит товарищ Маленков,— что проведение в жизнь организационных мероприятий в области улучшения государственного и хозяйственного руководства, представляемых на рассмотрение Верховного Совета СССР, несомненно создаст лучшие условия для успешного решения стоящих перед нашей страной исторических задач — по дальнейшему неустанному и всестороннему укреплению нашего великого многонационального социалистического государства, укреплению могущественных Советских Вооруженных Сил для обеспечения обороны и безопасности нашей Родины; дальнейшему всемерному развитию социалистической промышленности и укреплению колхозного строя, развитию культуры и подъему материального благосостояния рабочих, колхозников, интеллигенции, всех советских людей; обеспечению более успешного продвижения по пути построения коммунистического общества в нашей стране».

На рассмотрение Верховного Совета тов. Маленков вносит предложения об объединении ряда министерств.

Товарищ Маленков вносит на рассмотрение Верховного Совета состав Правительства:

Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР и Министр внутренних дел СССР — **Берия Лаврентий Павлович;**

Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР и Министр иностранных дел СССР — **Молотов Вячеслав Михайлович;**

Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР и Министр обороны СССР — Маршал Советского Союза **Булганин Николай Александрович;**

Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР — **Каганович Лазарь Моисеевич;**

Заместитель Председателя Совета Министров СССР и Министр внутренней и внешней торговли — **Микоян Анастас Иванович.**

Товарищ Маленков оглашает весь состав Совета Министров СССР.

Сессия Верховного Совета продолжительными аплодисментами выражает одобрение представленного тов. Г. М. Маленковым состава Правительства.

Товарищ Маленков говорит о том, что сила нашего руководства состоит в его коллективности, сплоченности и монолитности.

В отношении внутренней политики, говорит товарищ Маленков, Советское правительство будет и впредь укреплять нерушимый союз рабочего класса и колхозного крестьянства, братскую дружбу между народами нашей страны, всемерно крепить оборонную мощь социалистического государства. Законом для Советского правительства является обязанность неослабно заботиться о благе народа, о максимальном удовлетворении его материальных и культурных потребностей, о дальнейшем расцвете социалистической Родины.

Касаясь внешней политики, товарищ Маленков говорит, что Советское правительство будет неуклонно проводить испытанную политику сохранения и упрочения мира, обеспечения обороны и безопасности Советского Союза, политику сотрудничества со всеми странами на основе взаимного соблюдения интересов. Советское правительство будет крепить узы братской дружбы и солидарности с великим китайским народом, со всеми народами стран народной демократии. Эти слова встречаются бурными аплодисментами.

Далее товарищ Маленков говорит, что в настоящее время нет такого спорного или нерешенного вопроса, который не мог бы быть разрешен мирным путем, на основе взаимной договоренности заинтересованных стран. Это касается отношений Советского государства со всеми странами, в том числе и с Соединенными Штатами Америки.

«Советский народ глубоко уверен в своих силах,— говорит в заключение товарищ Маленков.— Мощь Советского государства, морально-политическое единство советского народа велики и несокрушимы как никогда. Советское Правительство посвятит все свои силы борьбе за построение коммунистического общества в нашей стране, за свободную и счастливую жизнь советского народа.

Мы пойдем вперед по пути строительства коммунизма в тесном единении партии, Правительства и советского народа, дружной братской семьей всех народов Советского Союза!»

Депутаты и гости отвечают на речь товарища Г. М. Маленкова бурными, долго не смолкающими аплодисментами. Все встают.

Сессия единогласно утверждает состав Совета Министров СССР.

Сессия избирает Секретарем Президиума Верховного Совета СССР тов. Н. М. Пегова, освободив от этих обязанностей тов. А. Ф. Горкина. Раздельно по палатам принимается Закон о внесении изменений и дополнений в статьи 70, 77 и 78 Конституции СССР. Сессия освобождает тов. В. В. Кузнецова, в связи с назначением его заместителем Министра иностранных дел СССР, от обязанностей члена Президиума Верховного Совета СССР и избирает членом Президиума тов. А. А. Андреева.

Порядок дня сессии исчерпан. Депутаты встают и продолжительными аплодисментами приветствуют Правительство Союза ССР.

приняла Обращение к Национальному Собранию Чехословацкой республики.

По первому пункту повестки дня — об избрании Председателя Президиума Верховного Совета СССР — слово предоставляется тов. Н. С. Хрущеву, встреченному бурными, долго не смолкающими аплодисментами.

В связи с тем, что постановлением Совместного заседания Пленума Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР товарищ Н. М. Шверник рекомендуется председателем ВЦСПС, тов. Хрущев вносит предложение освободить тов. Шверника от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР, избрав его членом Президиума Верховного Совета СССР.

Предложив избрать на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища **Климента Ефремовича Ворошилова,** товарищ Хрущев говорит:

«Наша партия, весь советский народ знают товарища Климента Ефремовича Ворошилова как верного ученика великого Ленина и соратника великого Сталина, как неутомимого борца за дело нашей Коммунистической партии, за победу коммунизма в нашей стране.

Мы все уверены, что товарищ Климент Ефремович Ворошилов с честью будет выполнять обязанности Председателя Президиума Верховного Совета СССР на благо советского народа».

Сессия единогласно принимает это предложение и горячо приветствует товарища Ворошилова.

Слово предоставляется товарищу Л. П. Берия, встреченному бурными, долго не смолкающими аплодисментами.

Товарищ Берия вносит следующее предложение:

«Назначить Председателем Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик товарища **Георгия Максимилиановича Маленкова** и поручить товарищу Маленкову представить в Верховный Совет СССР предложения о составе Совета Министров СССР».

«Я думаю, что выскажу общее мнение депутатов,— говорит тов. Берия,— выразив твердую уверенность в том, что Советское Правительство, возглавляемое товарищем Маленковым, будет руководить всем делом строительства коммунизма в нашей стране так, как учили Ленин и Сталин, будет беззаветно служить интересам нашего народа».



В дни траура в Китайской Народной Республике. Товарищ Мао Цзэ-дун вместе с членами Центрального Комитета Коммунистической партии Китая посетил советское посольство в Пекине, чтобы выразить свою глубокую скорбь по поводу кончины товарища Иосифа Виссарионовича Сталина.

Фото агентства Синьхуа.

Великому Сталину

Наш вождь и учитель навеки уснул...
От вести такой поседел Алымкул.
Печально звенит тонкожильный комуз.
На сердце, как глыба, томительный груз.

Безмерен наш траур. Печаль велика.
Как море, народная скорбь глубока.
Со всею великой Советской страной
Склоняет знамена народ мой родной.

Великий наш вождь, наш учитель и друг!
Ты с Лениным снял кандалы с наших рук,
Ты с Лениным свергнул кровавых господ,
Ты с русским народом сроднил
мой народ.

Ты славу народов земли заслужил,
Как Ленин, ты мыслил, боролся и жил.
Ты шел по пути, по дороге его,—
Мы правды познали с тобой торжество.

Ты жаждущим воду живую давал,
Ты путников в трудном пути согревал,
С твоею сердечностью каждый знаком,
Ты был для народа живым родником.

Как взглядом одним не окинуть морей,
Так щедрости нам не измерить твоей.
Как степь зацветает под влагой дождя,
Так мы хорошели под лаской вождя.

Ты был беспощаден с врагами в бою,
Ты спас от фашизма Отчизну мою;
Прошел ты немало военных дорог,
Ты нашим друзьям зарубежным помог.

Ты вырастил смелый, орлиный отряд.
Идет он вперед, не пугаясь преград;
Великого Ленина, Сталина стяг
В руках коммунистов, в надежных руках.

Ты поднял всех честных людей на борьбу
За мир и за хлеб, за иную судьбу.
И встали народы железной стеной:
«Проклятье тому, кто грозит нам войной!»

Нет Сталина с нами родного, но тьма
Не скроет от нас великана ума.
Он будет, как прежде, вести за собой
Народы на подвиг, на труд и на бой.

На нашем нелегком, но славном пути
Мы черные степи заставим цвести.
Пророем каналы, и хлынет вода
В пески, где не теплилась жизнь никогда.

По-ленински будем работать и жить,
По-сталински будем Отчизне служить.
Мы выполним планы родного вождя,
Как он завещал нам, от нас уходя.

Нет! Сталин в сердцах у людей
не умрет!
Бессмертен наш вождь, как бессмертен
народ.
Он с нами, Он в нашей семье боевой,
Он с нами войдет в коммунизм,
как живой!

Алымкул УСЕНБАЕВ,
народный акын Киргизии.

Перевел с киргизского
Николай Нишенецкий.

Трудиться по-сталински



«Сделано в Ленинграде на Металлическом заводе имени И. В. Сталина» — гидротурбины с такой маркой работают на Днепровской, Щербаковской, Цимлянской и других крупнейших электростанциях нашей страны. Недавно конструкторы завода закончили изготовление рабочих чертежей турбин для Куйбышевской ГЭС.

В дни всенародной скорби коллектив турбостроителей дал клятву высоко держать свою заводскую марку — с честью нести славное имя любимого вождя, которое присвоено заводу.

— Отдадим все силы укреплению мощи любимой Родины. Будем трудиться по-сталински, — сказал один из лучших токарей гидротурбинного цеха И. С. Иванов.

Свое обещание токарь-стахановец претворяет в жизнь. Вместе со своим подручным В. П. Носовым И. С. Иванов изо дня в день перевыполняет задание в 2—3 раза.

На снимке: И. С. Иванов и В. П. Носов за обработкой вала мощной турбины.

В эти дни на Севере



Со всех сторон Курейки люди направляются к дому, где жил товарищ И. В. Сталин.

Фото П. Макарова.

Туруханский Север...

Бесконечные просторы редкой, приземистой тайги, изрезанной вдоль и поперек белыми извилистыми лентами застывших рек. Белые чаши озер. Край охотников и следопытов, край рыбаков...

Советским людям дороги эти суровые места, некогда глухие и безлюдные, а сейчас обжитые, согретые человеческим трудом, преображенные волей Коммунистической партии и Советского правительства. Дороги потому, что они связаны с жизнью и деятельностью незабвенного Иосифа Виссарионовича Сталина. Здесь почти на каждом станке, начиная от Верхне-Имбатского и кончая Денежкиным, многие старожилы помнят товарища Сталина, с любовью вспоминают о нем.

Мартовским утром, метельным и хмурым, пришла печальная весть о смерти вождя на факторию Келлог, к маленькой северной народности — кеты, живущей здесь, на живописных берегах реки Елогуй. Как только отзвучали по радио последние слова скорбного сообщения, в красный чум фактории Келлог устремились все жители.

Обнажив головы, стоя, они слушают председателя кочевого Совета Василия Михайловича Попова. Их глаза, полные слез, устремлены к портрету родного вождя и учителя, к портрету, обрамленному красным кумачом, перехваченным черным траурным крепом. Сталин!.. Он принес счастье маленькому народу кетов, как и всем большим и малым народам нашей страны, спас его от гибели, от полного вымирания.

Из поколения в поколение переходит волнующий рассказ-легенда о дружбе великого вождя с бедным рыбаком-кетом Мартыном. О том, как товарищ Сталин рыбачил с ним, подарил ему новые тиски (выделанные полосы бересты), чтобы Мартын построил себе хороший, теплый чум.

...Верхне-Имбатское. До революции это было глухое и заброшенное село, изредка оживлявшееся только купеческим разгулом, вызванным очередным «удачным» обманом бедных кетов. Сейчас Верхне-Имбатское — культурный поселок Севера. Там есть опорный сельскохозяйственный пункт, на полях которого отлично вызревают зерновые культуры, овощи. Только за последние несколько лет опорный пункт дал более миллиона рублей дохода верхне-имбатскому колхозу «Пятилетка». Так началась новая жизнь старого станка. Эту жизнь принесла Коммунистическая партия, принес товарищ Сталин.

Низко приспущены кумачовые флаги, отороченные черным крепом. В клубе станка собрались все жители. На сцене у большого портрета товарища Сталина в почетном карауле стоят коммунисты, комсомольцы, пионеры. Выступают учитель неполной средней школы Федор Федорович Назаров, председатель колхоза-миллионера Степан Кирьянович Наумов. В словах рыбаков чувствуется великая уверенность в том, что заветы родного вождя будут свято выполнены.

— Дадим клятву нашему родному товарищу Сталину,— говорит председатель колхоза, — сделать наш колхоз еще более зажиточным. Дадим клятву крепить мощь нашей любимой Родины. Это будет лучшим памятником нашему великому вождю и учителю.

...Морозным днем мы приезжаем в Курейку, на станок, который известен всем людям нашей страны. Здесь, на этом маленьком станке бывшего Туруханского края, более двух с половиной лет находился в ссылке Иосиф Виссарионович Сталин.

Вот уже отчетливо видны новенькие желтые дома Курейки, величественное здание павильона над рыбацкой избушкой, где жил вождь и учитель трудящихся всего земного шара.

Холодный ветер развевает над павильоном траурный флаг. Флаги над сельсоветом, над конторой правления колхоза, над высоким, красивым зданием новой школы. Со всех сторон Курейки маленькими ручейками стекаются группы людей сюда, к павильону, превращаясь в большой поток — скорбный и молчаливый.

Пионеры Курейки несут большой венок из веток елей и кедров. По узкой тропинке, протоптанной в глубоких снегах тысячами ног, они направляются к монументу товарища Сталина и бережно кладут венок к подножию монумента.

На ленте надпись: «Дорогому Иосифу Виссарионовичу Сталину от учащихся Курейки».

Еще раз осматривают люди заветную рыбацкую избушку, бедную комнату, в которой жил, находясь в ссылке, Иосиф Виссарионович Сталин. Они раскрывают книгу отзывов посетителей дома-музея И. В. Сталина.

Вот одна из записей, сделанных в самом начале Великой Отечественной войны:

«8-го июля 1941 года, 9 часов вечера.

Через час уезжаем на фронт. Милый, дорогой товарищ Сталин! За тебя, за нашу счастливую Родину молодежь Страны Советов идет на фронт и будет смертельно разить коварного и подлого врага — фашистских бандитов...»

А вот последняя коллективная запись, сделанная 8 марта 1953 года:

«В эти скорбные, тяжелые дни, когда весь советский народ склонил свои головы, встает перед нами наше великое будущее, которое Вы озарили, родной Иосиф Виссарионович. Мы никогда не забудем эти тяжелые для нашей Родины дни. Клянемся Вам, товарищ Сталин, что мы не пожалеем наших сил и труда в выполнении Ваших предначертаний, в строительстве коммунизма».

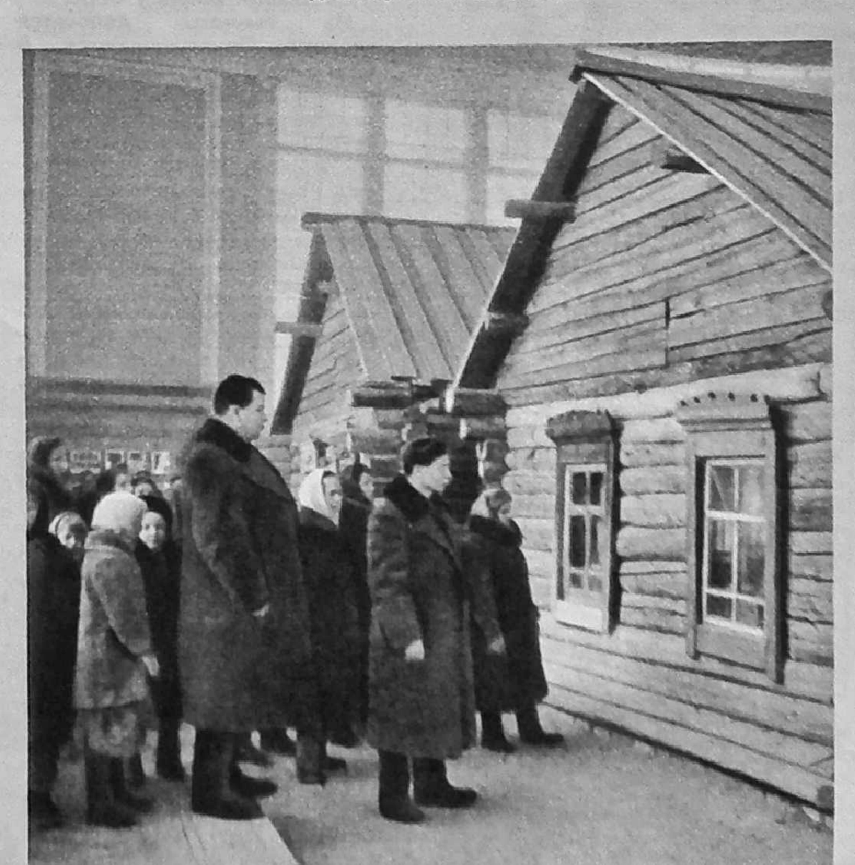
В этих словах, как в капле воды, отразилась глубокая вера советских людей в Коммунистическую партию, в ее Центральный Комитет, в торжество бессмертного дела Ленина — Сталина, дела коммунизма.

...Туруханцы стройными колоннами направляются к дому-музею С. С. Спандаряна, где часто останавливался товарищ Сталин, тайком от стражников приезжая из Курейки в Туруханск. У этого маленького, скромного домика туруханцы долго стоят в молчании, мысленно переносясь в те далекие годы, когда здесь жил родной Сталин.

Люди советского Севера, рыбаки и охотники Туруханска, Курейки, Костина, кеты с фактории Келлог клянутся крепить мощь социалистического Отечества, еще теснее сплотиться вокруг Центрального Комитета Коммунистической партии и Советского правительства. Они клянутся быть верными до конца великому делу строительства коммунизма, делу, которому отдал всю свою жизнь без остатка бессмертный вождь, учитель и друг, зодчий нового мира — Иосиф Виссарионович Сталин.

К. ЛИСОВСКИЙ

У дома-музея И. В. Сталина.



Имя Сталина мы слышали повсюду

В скорбные дни, когда наша Родина потеряла безвременно ушедшего от нас Иосифа Виссарионовича Сталина, приходят на память беседы и встречи, происходившие у нас, моряков, в заграничном плавании.

Где бы мы ни были, в какой бы глухой уголок земного шара ни пришли,— всюду одним из первых вопросов был вопрос о товарище Сталине.

В далеком, малоизвестном Читтагонге, в Пакистане, лилово-коричневый шлюпочник перевозил нас на утлом челноке с рейда к ветхой пристаньке.

Радость засветилась в его глазах, когда он узнал, что мы советские люди. Привязав челнок, индиец пошел рядом и, заглядывая в глаза, спрашивал каждого из нас, видели ли мы Сталина. Дойдя с нами до стоянки «гхари» (извозчиков), наш перевозчик обратился к сидевшим в тени фикусового дерева возницам. Они оживленно заговорили, с большим интересом разглядывая нас.

В знойно-влажной Сурабае, на Яве, мы слышали дорогое нам имя от седого сингалеза. Руни (так звали этого старого сапожного мастера) явился на борт, как только наше судно ошвартовалось. Вахтенному у трапа он показал кошелку с инструментом, выбрал удобное место, сел, постелил перед собой яркопестрый лоскуток, положил на него коробки с сапожными гвоздями и принялся чинить нашу обувь. Опытные, натруженные руки быстро обминали кожу и вколачивали гвоздь за гвоздем.

В обед мы покормили Руни. Впервые за 72 года своей жизни сидел он за одним столом



с белокожими. Это старика потрясло. Его руки дрожали и неуверенно тянулись к хлебу.

Столовая команды была украшена портретами Ленина и Сталина. Руни внимательно рассматривал их. Затем встал







и, вытянув худую руку, показывая на портреты, сказал:

— Ленин! Сталин!

Нам, советским морякам, не казалось странным, что здесь, в тысячах миль от Москвы, на далеком острове Яве, вечно голодный, неграмотный «холодный сапожник» знает эти священные имена и различает портреты каждого из них.

— Вы видели Сталина? — спрашивали нас в Ситке, на Аляске.

— Как здоровье Сталина? — обращались к нам с вопросом датчане.

— Вива Сталин! — провожали нас рыбаки предместий Сан-Хуана на острове Пуэрто-Рико.

— Да здравствует Сталин! — радостно кричал сомалиец-грузчик в Джибути, видя, как мы выстроились на кормовой палубе на подъем флага.

* * *

Мы у берегов Кубы.

Темный августовский вечер. Чуть плещет волна у берега.

Из темноты доносится всплеск. Прислушиваемся. В круг света попадает голова плывущего человека. Тихонько отдуваясь, он карабкается на ступеньки, где находились наши моряки. Через минуту перед нами стоит молодой кубинец. Отряхнув с волос брызги, юноша называет себя:

— Мигуэль.

Далее мы узнали, что он приехал по узкоколейной дороге из порта Кабаньяс, потому что здесь стоит «барко совьетика» — советский пароход.

Отдышавшись, Мигуэль показывает на татуировку. На предплечье левой руки мы прочли — «Сталин», а рядом — подобие голубя с веткой в клюве. Буквы неровные, местами толще, местами тоньше, где выше, где ниже. Мигуэль разъяснил, что это он делал ночью, при неверном свете коптилки.

— Сталин, Сталин, Коммунита! — повторял Мигуэль. Попрощавшись с каждым за руку, он скользнул в воду и уплыл по направлению к слабым желтоватым огонькам, мерцавшим слева.

Рикша из Куала-Лумпур (Малайя) остановил свой трехколесный велосипед-коляску, чтобы спросить нас, советских моряков, давно ли мы видели товарища Сталина, таков ли он в жизни, каким выглядит на открытке у одного китайца.

— А какой он на открытке? — поинтересовались мы.

— Добрый. Глаза и строгие и ласковые. Строгие для них,— сказал рикша и злобно ткнул пальцем в сторону серо-стального авианосца,— и ласковые для таких, как я.— Пожав нам руки, рикша добавил: — Мой брат и мой сын умерли в джунглях под Малаккой с именем Сталина на устах. С этим именем умру и я! — сказал и укатил на своем велосипеде.

Коренастый паренек лет пятнадцати останавливает нас на неширокой Виедадо-Альварец — главной артерии Мансанильо. Юный мексиканец сообщает, что он один собрал 18 подписей под Стокгольмским Воззванием и что таких, как он, здесь, в Мексике, называют «Сталин мучачо» («Сталинский мальчик»).

* * *

В Гибралтаре на пристани, у штабелей угля, черные от угольной пыли испанцы, завидя нас, подняли руку со сжатым кулаком.

Мы шли мимо бесконечно длинного штабеля. Человек десять испанцев, поймав темп наших шагов, дружно начали скандировать:

— Ста-лин! Ста-лин! Ста-лин!

Невольно подтянувшись, мы шагаем в ногу, твердо печатая шаг, точно под зовущий вперед марш.

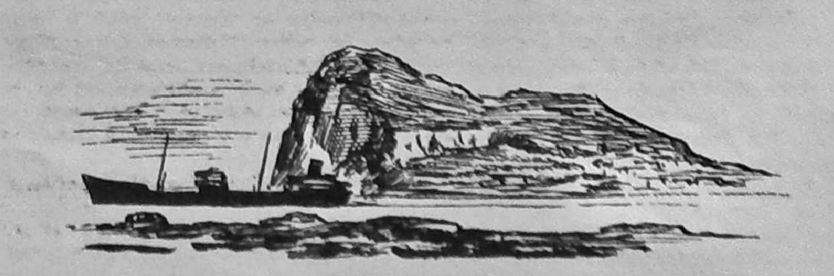
Где бы ни реял стяг нашей Родины, всюду мы встречались с восторженными взглядами



трудящихся. Всюду мы слышали дорогое имя СТАЛИН. Это имя для простых людей белой, желтой или черной кожи — знамя борьбы и сопротивления злу и насилию, маяк на пути к светлому будущему человечества.

С. БЕЗРУЧЕНКО,

инженер-капитан морского флота 2-го ранга.



Рисунки В. Высоцкого.

ВЕЛИКИЙ ВОЖДЬ НАРОДОВ ЧЕХОСЛОВАКИИ



Не стало Клемента Готвальда...

Вспоминается поздняя осень 1944 года... Снежные шапки уже покрывали карпатские пики, но ниже еще зеленела хвоя лесов, а еще ниже, в долинах, где по извилинам горных рек тянулись деревеньки и маленькие живописные городки, пламенела листва буков и кленов. В долинах еще держалась холодная, слякотная осень, а по гребням хребтов уже гуляли метели.

Все это очень затрудняло боевые действия партизан Чехословакии, которые своими ударами по вражеским тылам старались помогать могучему наступлению Советской Армии. Снег и слякоть выдавали фашистам каждое их продвижение. И все же советские воины, наступая по чехословацкой земле, все время чувствовали помощь своих братьев по оружию из-за линии фронта.

Особенно отличался в те дни партизанский отряд, носивший имя Клемента Готвальда. То в ущельях Словакии, то среди закопченных холмов Остравы, то в чешских долинах отряд этот наносил меткие удары по врагу. Рассеивал на пути фашистские маршевые колонны, сжигал склады с горючим и боеприпасами, посылал под откос вражеские воинские эшелоны. Вспыхивали в пути цистерны с бензином, противотанковые гранаты вдруг взрывались в сельском трактире, где останавливались вражеские офицеры. На аэродроме загорался вражеский бомбардировщик.

Получая сообщения о действиях вездесущего отряда имени Клемента Готвальда, отмечая на карте места его операций, советские офицеры всегда поражались удивительной маневренности этой партизанской группы, ее умению наносить удары то в одном, то в другом месте, а иногда в нескольких местах одновременно.

Только когда Советская Армия, продолжая свое победное наступление, освободила значительную часть страны, открылся секрет необыкновенной подвижности этого отряда. Оказалось, что отрядов, носивших имя великого вождя народов Чехословакии Клемента Готвальда, было много, что действовали они в разных частях страны, порой даже и не зная о существовании друг друга, а общее славное имя, которое они носили, как бы сливало воедино успех наших товарищей по оружию.

Это желание тружеников Чехословакии, поднявшихся на смертный бой с фашизмом, присвоить своему боевому подразделению славное имя Клемента Готвальда, кажется мне глубоко символическим. В этом имени воплощалась вера в то, что Коммунистическая партия Чехословакии и ее боевой, испытанный руководитель проведут народ через все испытания к победе над фашистскими оккупантами. Это славное имя было в сознании народа символом дружбы с великим Советским Союзом, воинского братства с героической Советской Армией. Оно помогало партизанам и подпольщикам в их трудной и священной борьбе, в минуты опасности поддерживало в них боевой дух и мужество...

Неисчислимы заслуги Клемента Готвальда перед народами Чехословакии. Сын бедного крестьянина, ученик столяра, он с детства познал физический труд и юношей приобщился к революционному движению. Работы Ленина, которые он глубоко изучил, сделали его стойким, последовательным революционным борцом, одним из организаторов и активных деятелей основанной в 1921 году Коммунистической партии Чехословакии. В неустанной и напряженной борьбе за дело рабочего класса крепнет и закаляется его организаторский талант. Во вдохновенной работе в коммунистической печати, в острых и сокрушительных разоблачениях соглашателей, оппортунистов, предателей рабочего движения оттачивается его публицистический и ораторский дар, который всегда так захватывал и увлекал слушателей. В трудах Ленина и Сталина, в бесценном опыте Коммунистической партии Советского Союза находит он верный компас, помогающий ему вести Коммунистическую партию Чехословакии по правильному пути, сплачивать и превращать ее в передовой, боевой отряд рабочего класса, ведущего за собою широкие массы трудящихся.

Правители Чехословакии тех дней открыто заявляли, что страна может существовать лишь как придаток больших капиталистических стран Европы, и открыто провозглашали предательский лозунг: «мосты на Запад». Коммунистическая партия и ее руководитель Клемент Готвальд проявляли высший патриотизм и государственную мудрость, мобилизуя народ на борьбу за честь и независимость родины, видя светлое будущее народов Чехословакии в тесной дружбе и равноправном союзе с нашим великим Социалистическим государством.

И когда на отвратительном торжище в Мюнхене Эдуард Бенеш согласился превратить свою страну в разменную монету для сделки Англии, Франции и Америки с Гитлером, Клемент Готвальд во главе чехословацких коммунистов бесстрашно разоблачил перед народом предательство империалистических держав и их агентов в Чехословакии. В черные дни оккупации он возглавил священную борьбу чехословацкого народа за освобождение из-под ига фашистской тирании.

Советская Армия, освободившая Чехословакию, благородно покинула ее пределы, предоставив дружественным народам самим решать судьбу своей страны. И народ единодушно решил ее в пользу мира и социализма, в пользу дружбы с великим Советским Союзом.

На выборах в Национальное собрание в 1946 году Коммунистическая партия одержала решительную победу. Клемент Готвальд, поддерживаемый всей трудовой Чехословакией, стал премьер-министром, и возглавляемое им правительство, выполняя волю народа, начало осуществлять широкую программу социальных преобразований в стране, переделывать ее экономику и приобщать трудящиеся массы к управлению страной.

Но заокеанские империалисты и их европейские приказчики не хотели согласиться с потерей «чехословацкого плацдарма», столь нужного им для нападения на Советский Союз и страны народной демократии. Опираясь на реакционные партии внутри страны, на министров-изменников внутри правительства, американские империалисты стали пытаться подорвать экономику страны, сорвать намеченные социальные мероприятия и земельную реформу, а главное, постараться всеми мерами вбить клин между Чехословакией и Советским Союзом, разорвать вековую дружбу наших народов, закрепленную святой кровью советских воинов и чехословацких партизан, пролитой в совместных битвах.

Видя, что срыв экономического планирования, диверсии, шпионаж, отвратительная пропаганда реакционной печати не помогают, реакция пошла ва-банк. Заокеанские империалисты, опираясь на старого империалистического агента, тогдашнего президента Эдуарда Бенеша, в феврале 1948 года дали сигнал к открытому путчу. Вот в эти-то дни и сказался со всей силой авторитет Коммунистической партии Чехословакии, поддержка народом патриотической политики, осуществляемой ею, сказалась вся мера доверия и уважения народа к своему великому вождю Клементу Готвальду.

По призыву Коммунистической партии, по призыву Клемента Готвальда весь народ встал на защиту своей свободы и независимости, своих социальных завоеваний, своей великой и нерушимой дружбы с Советским Союзом.

— Сплоченность, самоотверженность, бдительность! — этот призыв товарища Готвальда, выдвинутый в те суровые для Чехословакии дни, пал на благодарную почву, подготовленную всей большой воспитательной и организационной работой коммунистической партии. Он дал замечательные плоды. И хотя американский империализм, потерпев поражение в открытом путче, пустил в ход свою тайную агентуру, навербованную из самого гнусного, чело-



Товарищ Клемент Готвальд отвечает на приветствия трудящихся Праги после избрания его президентом.

веконенавистнического отребья — от титовской охранки до кровавых убийц из «Джойнта»,— все эти попытки подорвать страну изнутри, все эти заговоры, диверсии, поджоги разбивались о бдительность сплоченного народа, вдохновленного строительством основ социализма.

Вся кипучая энергия товарища Готвальда, весь его живой, глубокий ум, вся деятельность, которой он посвятил свою жизнь, были отданы борьбе за счастье трудящихся, борьбе за возвеличение дружной семьи народов Чехословакии, за расцвет их национальной культуры, борьбе за мир. Верный соратник великого Сталина, испытанный друг Советского Союза, товарищ Готвальд последовательно и неуклонно вел свою страну по пути укрепления советско-чехословацкой дружбы, в которой он справедливо видел залог свободы, независимости и счастья своей родной Чехословакии.

«С Советским Союзом на вечные времена!» — этот призыв Готвальда служит основой всей жизни новой, народной Чехословакии, мира и спокойствия ее граждан, неуклонного роста ее экономики и культуры, ее подлинного процветания.

Этот призыв Готвальда, с такой силой прозвучавший в мае 1945 года, дошел до сердца каждого труженика Чехословакии. Он звучит сейчас всюду — и в цехе завода, и в кабинете ученого, и в хижине лесоруба, затерянной среди горных лесов. С этим призывом в сердце сталевары народных заводов совершают рекордные стахановские плавки, а крестьяне, вступившие в сельскохозяйственный кооператив, выходят на свои первые общественные работы — запахивать межи на полях. Вдохновленные этим призывом, экскаваторщики и бетонщики строек социализма где-нибудь среди диких словацких гор или на холмах Остравы показывают невиданные в стране образцы производительности труда.

Умер Клемент Готвальд. В его лице трудящиеся Чехословакии потеряли своего великого вождя, а международное рабочее движение — одного из своих выдающихся деятелей. В его лице миллионы советских людей потеряли верного и последовательного друга своей Родины. И в эти скорбные дни, деля с тружениками Чехословакии скорбь тяжелой утраты, мы вспоминаем товарища Готвальда в его славных делах, в его трудах и в достижениях народов его родины.

В речи, произнесенной в Праге перед отъездом на похороны своего великого учителя товарища И. В. Сталина, Клемент Готвальд сказал:

«...Товарищ Сталин всегда учил нас, что мы не должны падать духом, не должны терять голову ни при каких обстоятельствах. Поэтому, выполняя заветы Сталина, мы еще выше поднимем знамя Ленина — Сталина и решительно пойдем по пути, который указал нам Сталин, по пути строительства социализма в нашей стране, по пути борьбы за сохранение и упрочение мира».

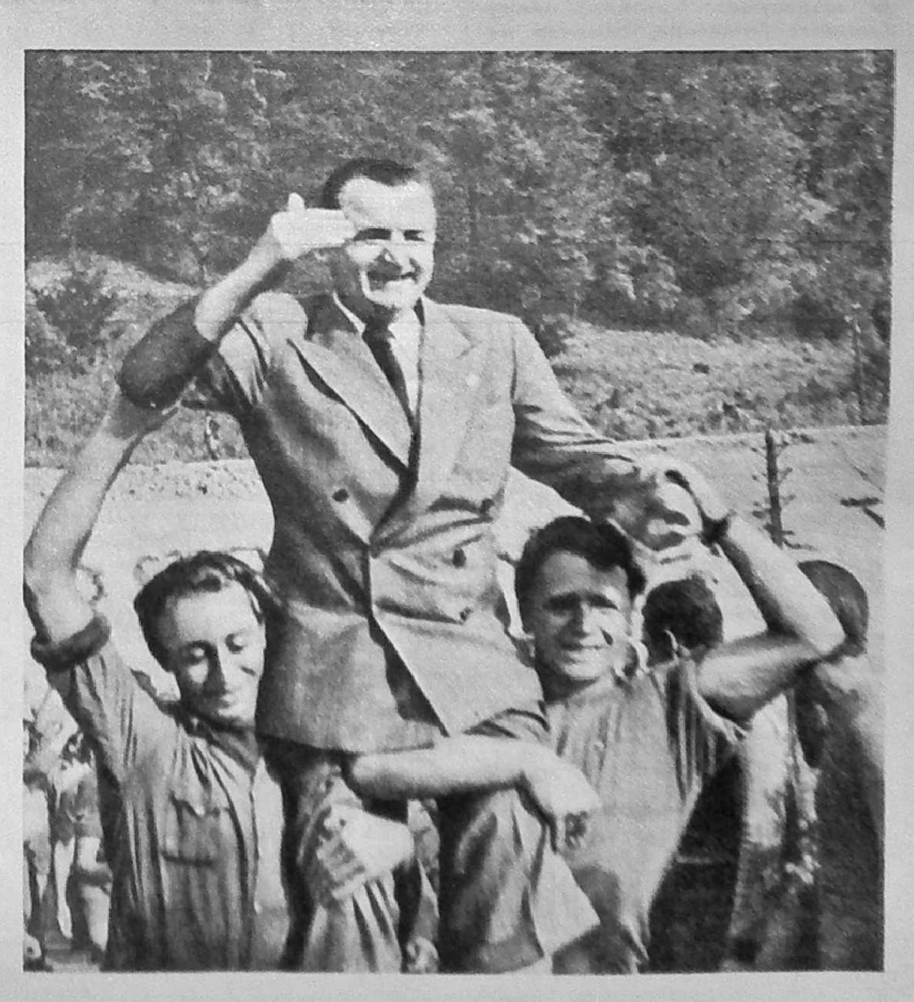
Эти слова одного из славнейших учеников Ленина и Сталина мы, советские люди, искренние друзья Чехословакии, повторяем сегодня над гробом товарища Готвальда.

Борис ПОЛЕВОЙ

Чехословацкие дети приветствуют президента Клемента Готвальда.



Молодежь горячо встречает вождя чехословацкого народа Клемента Готвальда, посетившего одну из народных строек Словакии.





На строительстве Куйбышевской ГЭС. Знатные электросварщицы-комсомолки Мария Болдырева (слева) и Зоя Полякова, награжденные орденами Трудового Красного Знамени, на строительстве Цимлянского гидроузла. Ныне они работают на арматурном заводе левого берега строительства Куйбышевской ГЭС, выполняют сменные задания на 180—200 процентов.

Фото А. Гостева.



Отжигальщица лентопрокатного цеха ленинградского завода «Красный выборжец» Мария Тарасова и инженер Нина Костроносова (справа) в технической библиотеке.

Фото С. Фридлянда.

КАРЛ МАРКС

К 70-летию со дня смерти

Семьдесят лет тому назад, 14 марта 1883 года, умер Карл Маркс, величайший мыслитель и революционер, учитель и вождь мирового пролетариата.

Веками билась человеческая мысль, пытаясь объяснить общественные явления, понять причины господства одних людей над другими, порабощения одними классами других, скопления богатства на одном полюсе и бедности на другом и найти пути справедливого разрешения этих коренных социальных противоречий. И только Маркс впервые раскрыл глубокую тайну и причину противоречий в обществе, открыл законы движения человеческой истории.

То, что было непознаваемо для многих выдающихся мыслителей всех времен, потому что они блуждали в лабиринте ограниченных, хаотичных и утопических мечтаний, что было скрыто за идеологическим туманом и казалось вечным божеским законом или неизменным законом природы,— все это было объяснено Марксом. Он научно доказал, что человечество развивается согласно объективным законам, вследствие определенного способа производства, соответствующих ему отношений и борьбы классов. «...Общество, — писал Маркс,— даже если оно напало на след естественного закона своего развития... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов».

Обобщив опыт всей предшествующей истории борьбы эксплуатируемых, угнетенных и в особенности опыт классовой борьбы пролетариата, Маркс критически переработал все то, что было создано человеческой мыслью, совершил величайшую революцию в области философии, политической экономии и вместо социалистических мечтаний создал науку о коммунистическом обществе.

Возникновение марксизма диктовалось историческими условиями — жизненными, коренными потребностями пролетариата, многомиллионных угнетенных, эксплуатируемых масс.

Никогда за всю историю человечества не было таких глубоких противоречий между господствующими классами и многомиллионными массами, как при капитализме, который с самого начала своего зарождения принес новые муки трудящимся, производя экспроприацию мелких производителей, экспроприацию, вписанную в летопись человеческой истории «пламенеющим языком меча и огня» и произведенную «с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей» (К. Маркс). Весь путь развития капитализма устлан костьми и пропитан кровью миллионов людей.

Открыв закон возникновения, развития и гибели капиталистического общества, Маркс с научной точностью предсказал грядущие неизбежные этапы его развития и вместе со своим великим другом Энгельсом открыл тот класс, который должен совершить исторический приговор над капитализмом, стать могильщиком его и творцом коммунистического общества.

«Главное в учении Маркса,— пишет В. И. Ленин,— это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата, как созидателя социалистического общества».

Всю свою жизнь страстного революционера и борца, весь свой гений Маркс посвятил делу пролетариата, делу угнетенных и эксплуатируемых и в непримиримой борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными лжеучениями об обществе создал подлинную, всепобеждающую науку для пролетариата.

Величайшим завоеванием научной мысли было создание Марксом диалектического материалистического метода, который явился душой его учения и дал рабочему классу научный, правильный подход к явлениям природы и общества, стал орудием познания сущности классовой борьбы и руководством к действию. Покончив навсегда с идеалистическими теориями, которые рассматривали историю общества как деятельность тех или других выдающихся полководцев, королей или государственных мужей, Маркс создал учение о законах человеческого общества — исторический материализм. Благодаря появлению исторического материализма «Хаос и произвол,— как писал В. И. Ленин,— царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий,— из крепостничества, например, вырастает капитализм».

Анализ гигантского количества материалов и фактов, отражающих развитие капитализма, позволил Марксу создать стройное экономическое учение, совершить переворот в политической



Карл Маркс, Фридрих Энгельс и дочери Карла Маркса (слева направо): Женни, Элеонора и Лаура.

Дагерротип. Относится к 60-м годам прошлого столетия.

Содружество

Инженер Нина Ильинична Костроносова после окончания Московского института цветных металлов и золота пришла на ленинградский завод «Красный выборжец». Здесь она познакомилась с отжигальщицей Марией Васильевной Тарасовой (см. цветную фотографию).

Инженер и работница подружились. Их часто можно было видеть вместе у ленто-протяжной печи.

— Если внимательно изучить режим печи,— сказала как-то Тарасова,— то, мне кажется, в ней можно отжигать ленту не только из меди.

Рабочее место отжигальщицы превратилось в своеобразную лабораторию. Тарасова прочитала много книг по металловедению, обработке цветных сплавов, прокатке листов, светлому отжигу лент.

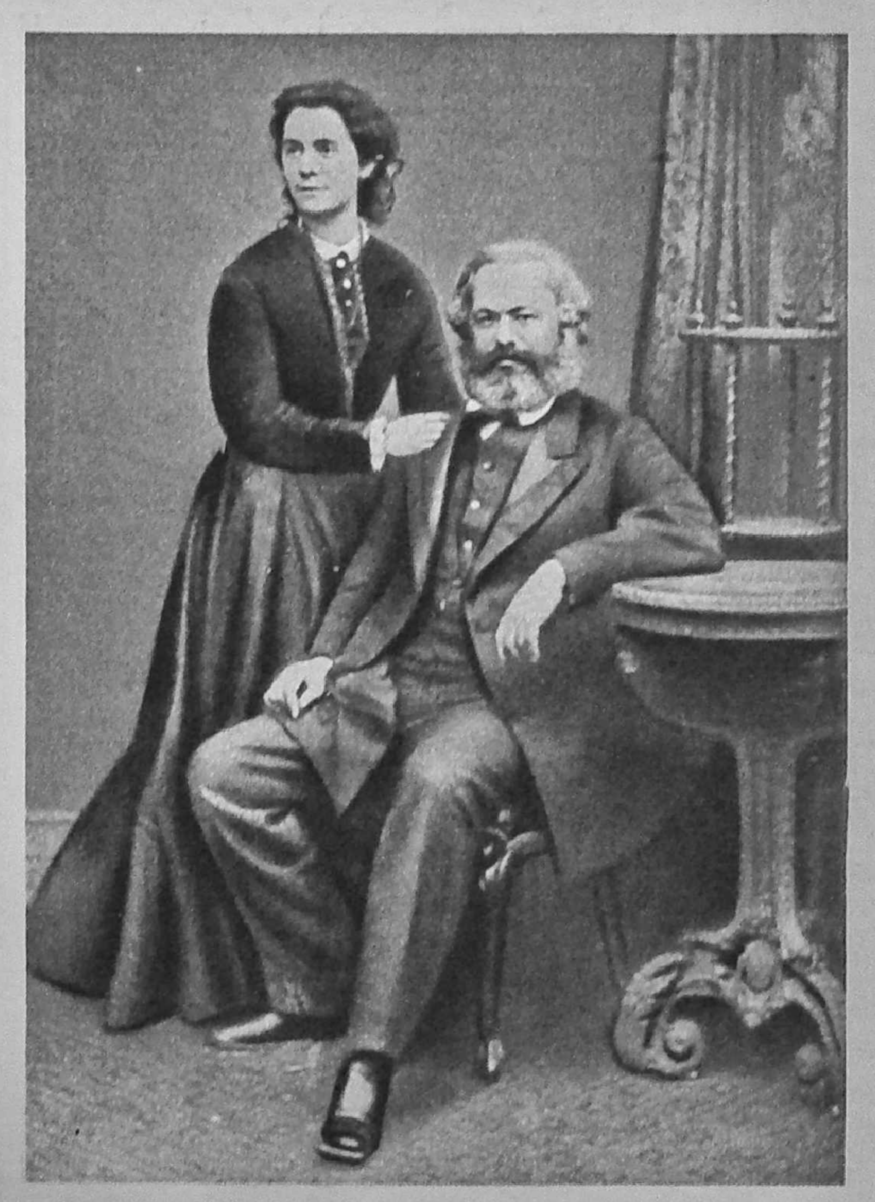
Полтора года стахановка настойчиво вела опыты, встречая всяческую поддержку и помощь у Костроносовой. Так постепенно рождалась новая, прогрессивная технология.

И вот технический совет «Красного выборжца» заслушал доклад М. В. Тарасовой. Она убедительно доказала, что в печи можно отжигать ленту не только из металла, но и из сплава. Технический совет признал необходимым использовать на производстве исследование отжигальщицы.

На следующий день М. В. Тарасова сдавала еще один экзамен, но уже не на заводе, а в машиностроительном техникуме, где она учится на четвертом курсе. И этот экзамен Мария Васильевна выдержала успешно.

Исследование, проведенное М. В. Тарасовой,— двадцатый по счету труд стахановцев «Красного выборжца», выполненный в содружестве с инженерами.

К. ПЕТРОВ



Карл Маркс с дочерью Женни. 1869 год.

экономии и превратить ее в непреоборимое, могучее оружие классовой борьбы пролетариата. В бессмертном творении — «Капитале» — Маркс вскрыл сущность капитализма, открыл экономический закон его движения — учение о прибавочной стоимости, являющееся краеугольным камнем его экономической теории.

Маркс показал, что главной целью капиталистического производства является прибыль. «Норма прибыли,— писал он,— это движущая сила капиталистического производства; производится только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью».

Разоблачение Марксом всей системы капиталистической эксплуатации беспощадно вскрыло то положение, что в капиталистическом обществе происходит накопление богатств на одном полюсе и абсолютное и относительное обнищание — на другом. Все это неизбежно ведет к обострению классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией и побуждает пролетариат к решительной схватке с капиталом, к уничтожению капиталистического способа производства и к переходу к более высокому способу производства — к социализму. «Маркс анализировал капитализм для того,— писал товарищ Сталин в своем труде «Экономические проблемы социализма в СССР»,— чтобы выяснить источник эксплуатации рабочего класса, прибавочную стоимость, и дать рабочему классу, лишенному средств производства, духовное оружие для свержения капитализма».

Маркс, исходя из объективного экономического закона развития буржуазного общества, показал главное противоречие между буржуазией и пролетариатом, как противоречие между общественным характером производства и частным присвоением, и гениально предначертал особенности исторического перехода от капитализма к новому, социалистическому обществу.

Сделав вывод о неизбежности гибели капитализма и неизбежном торжестве коммунизма, Маркс с гениальной прозорливостью наметил общие пути перехода к коммунизму. Он показал, что коммунистическое общество будет коренным образом отличаться от всех предшествующих социально-экономических формаций, что его построение явится величайшим переворотом в истории общества и поэтому переход к нему будет представлять длительный и сложный процесс.

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — писал Маркс,— лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата».

Наряду с определением характера первой, социалистической фазы, которая непосредственно вышла из недр капитализма и поэтому в экономическом, нравственном и умственном отношениях носит еще отпечаток старого общества, Маркс раскрыл главную сущность высшей фазы — полного коммунизма.

На высшей фазе коммунистического общества в соответствии с учением Маркса труд из средства для жизни превратится в первую жизненную потребность. В огромной степени возрастут производительные силы, и «все источники общественного богатства польются полным потоком». И тогда общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям!»

Учение Маркса о строительстве коммунистического общества явилось для пролетариата научной теорией и практической программой борьбы. Оно дало рабочему движению всех стран мира непреоборимую силу, так как соединило научный коммунизм с революционными стремлениями рабочего класса.

Создав подлинную науку освободительного движения пролетариата, Маркс вместе со своим соратником Энгельсом в течение сорока лет разрабатывал и совершенствовал ее. Основоположники марксизма выработали тактические положения революционной деятельности пролетариата, связав его активную повседневную борьбу с борьбой за конечную цель. Таким образом, марксизм стал действительно руководством к действию.

«Прежде всего необходимо знать,— писал товарищ Сталин,— что пролетарский социализм представляет не просто философское учение. Он является учением пролетарских масс, их знаменем, его почитают и перед ним «преклоняются» пролетарии мира. Следовательно, Маркс и Энгельс являются не просто родоначальниками какой-либо философской «школы» — они живые вожди живого пролетарского движения, которое растет и крепнет с каждым днем».

Маркс и Энгельс определили задачи рабочего класса, исходя из объективного учета соотношения классов и конкретных особенностей исторического момента, неразрывно связывая в одно целое теорию и практику классовой борьбы. Основоположники марксизма считали, что рабочий класс способен осуществить свою великую историческую миссию, только преодолев раскол внутри себя; они воспитывали в рабочем классе пролетарский интернационализм, братство между пролетариями всех стран мира. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — было их боевым девизом.

В то же время Маркс и Энгельс определили отношение пролетариата к другим слоям трудящихся. Они наметили общие идеи гегемонии пролетариата, считая, что рабочий класс может выполнить свою всемирно-историческую миссию только тогда, когда он сплотит вокруг себя все угнетенные массы и станет гегемоном в революционной борьбе. «Крестьяне,— писал Маркс,— поэтому находят себе естественного союзника и вождя в городском пролетариате, призванном ниспровергнуть буржуазный строй».

Маркс научно доказал, что крестьяне, ремесленники — все угнетенные, разоряемые капиталистами и помещиками смогут спасти себя от нищеты и голода, если станут решительно на сторону пролетариата как самого последовательного и революционного класса.

Маркс разработал научную основу международного рабочего движения и вместе с Энгельсом определил значение и роль пролетарской партии в классовой борьбе пролетариата и выполнении им всемирно-исторической миссии. «Маркс и Энгельс,— писал товарищ Сталин,— дали основные наброски о партии, как передовом отряде пролетариата, без которой (без партии) пролетариат не может добиться своего освобождения ни в смысле взятия власти, ни в смысле переустройства капиталистического общества».

С 40-х годов XIX столетия основоположники марксизма вели упорную борьбу со всеми враждебными рабочему классу течениями за создание и укрепление коммунистической партии. Маркс был создателем и вождем первой международной рабочей организации — «Союза коммунистов», организатором и вождем I Интернационала, который под его руководством разгромил враждебные марксизму течения. Под руководством Маркса I Интернационал дал образцы пролетарской тактики. Маркс учил пролетариат раскрывать тайны международной политики, следить за дипломатической деятельностью буржуазных правительств и в случае необходимости использовать все средства, находящиеся в его распоряжении, чтобы помешать коварным действиям господствующих классов, стремящихся узурпировать права других народов и покорять их. «Борьба за такую иностранную политику,— писал Маркс, — это часть общей борьбы за освобождение рабочего класса».

Одной из ярких страниц истории I Интернационала является его позиция в отношении франко-прусской войны 1870 года. Интернационал призывал французских рабочих помешать осуществлению захватнических устремлений Луи Бонапарта и использовать неизбежное обострение внутренних противоречий в стране в своих классовых целях. Отмечая, что война со стороны Германии была оборонительной, I Интернационал призывал германский рабочий класс к бдительности, к вмешательству в политику возглавляемых Бисмарком господствующих классов Пруссии, если последние попытаются превратить эту войну в династическую, захватническую. В написанных Марксом воззваниях Генсовета по поводу франко-прусской войны подчеркивалось стремление к интернациональному объединению рабочих Германии и Франции и нашли воплощение такие идеи, которые с особой силой звучат сегодня. «Уже один этот великий факт,— писал Маркс по поводу единения германских и французских рабочих,— не имеющий себе равного в истории, открывает надежды на более светлое будущее. Он показывает, что в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — мир, ибо у каж-

дого из народов будет один и тот же властелин — труд!»

В своих многочисленных работах Маркс гневно обличал господствующие классы Англии, Америки, Франции, Германии, Австрии и царской России, строящие свое благополучие на голоде и нищете, на крови и костях трудящихся.

С особым интересом и горячей симпатией Маркс следил за борьбой русского народа против крепостников и самодержавия. Для того чтобы лучше изучить Россию, ее историческое прошлое, героическую многовековую борьбу русского народа против поработителей и угнетателей, а также познакомиться с русской культурой, наукой и передовой общественной мыслью, Маркс изучил русский язык и читал в подлинниках произведения выдающихся русских мыслителей и писателей: Чернышевского, Добролюбова, Пушкина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина и других. «...Я не знаю никого, кто бы так хорошо, как он, знал Россию, ее внутренние и внешние отношения...» — писал Энгельс. Поддерживая личную и письменную связь со многими русскими политическими деятелями, Маркс стремился помочь русскому революционному движению найти правильный путь освобождения от крепостного рабства и самодержавия. Не случайно первым представителем в Генеральном совете I Интернационала от русского революционного движения был Карл Маркс.

В 70-е и 80-е годы, когда революционный центр стал перемещаться в Россию, Маркс, глубоко веря в титаническую революционную энергию и свободолюбие русского народа, считал, что Россия станет передовым отрядом мирового революционного движения. Вместе с Энгельсом он высказал гениальную догадку, что борьба русского народа должна «будет неизбежно привести, хотя бы и после длительной и жестокой борьбы, к созданию Российской Коммуны».

Буржуазная реакция всех стран пыталась уничтожить марксизм и не раз предпринимала крестовые походы против него. В угоду буржуазии оппортунистические вожди социалистических партий II Интернационала извращали и выхолащивали революционное содержание великого учения, старались придать ему либеральный характер. «...Между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лениным — с другой, — говорил товарищ Сталин,— лежит целая полоса безраздельного господства оппортунизма II Интернационала, беспощадная борьба с которым не могла не составить одной из важнейших задач ленинизма».

Развитие учения Маркса — Энгельса в новых исторических условиях, в эпоху империализма и пролетарских революций, неразрывно связано с именами продолжателей их дела, великих вождей и учителей трудящихся Ленина и Сталина.

Создатели ленинизма не только отстояли марксизм, но и всесторонне развили его, подняли на высшую ступень. В. И. Ленин и И. В. Сталин, творчески развивая марксистскую теорию, не останавливались перед тем, чтобы в новых условиях эпохи монополистического капитализма заменить некоторые устаревшие положения новыми, соответствующими исторической обстановке.

В условиях промышленного капитализма Маркс и Энгельс правильно считали невозможным построение социализма в одной, отдельно взятой стране. Ленин на основе открытого им закона неравномерности, скачкообразности развития капитализма в эпоху империализма доказал возможность построения социалистического общества в одной стране, находящейся в капиталистическом окружении. Товарищ Сталин, развивая дальше ленинское учение, доказал возможность построения коммунизма в нашей стране при наличии капиталистического окружения.

Продолжая дело Маркса — Энгельса — Ленина, товарищ Сталин в дальнейшем творчески развил учение марксизма-ленинизма во всех его областях.

В своем гениальном произведении «Экономические проблемы социализма в СССР» товарищ Сталин дал ответ на все основные, решающие вопросы, возникшие перед нашей партией в связи с постепенным переходом от социализма к коммунизму.

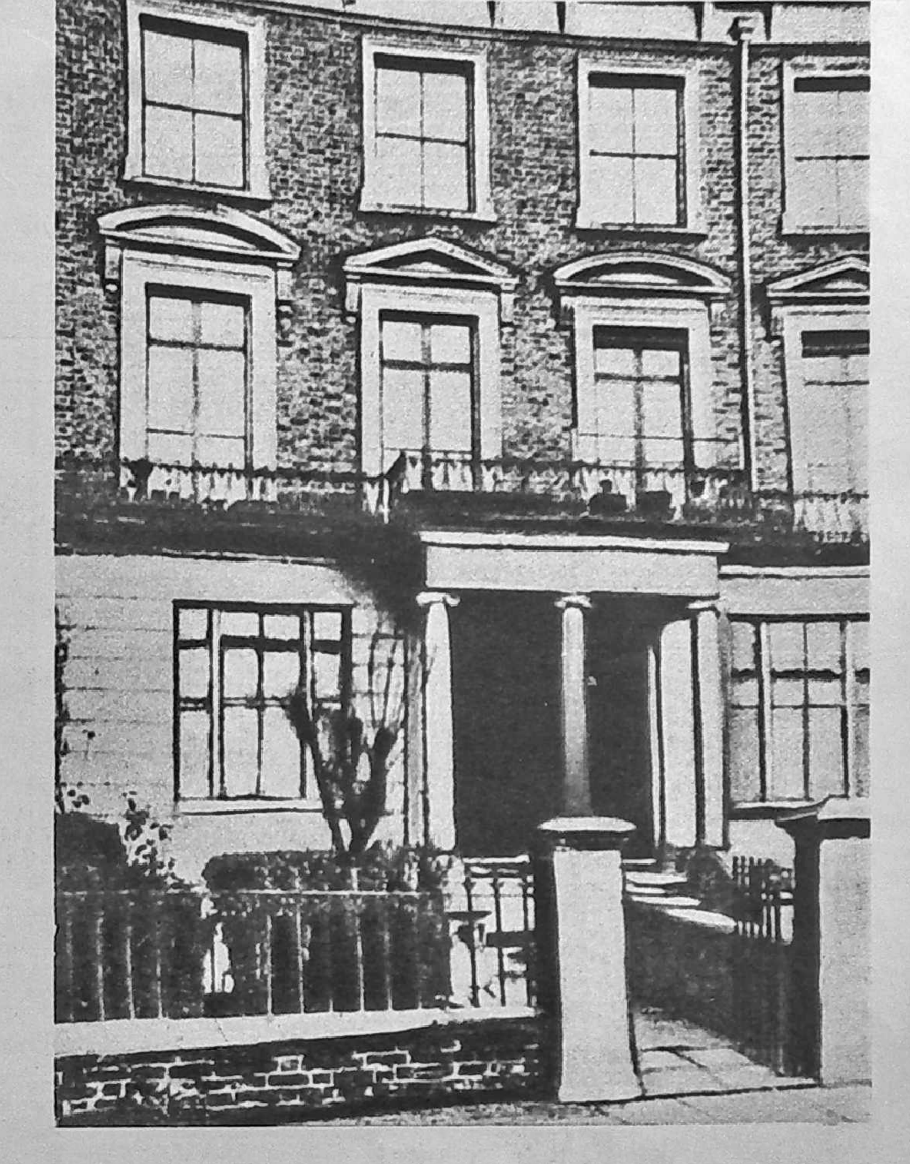
Учители и вожди международного рабочего класса В. И. Ленин и И. В. Сталин разработали стройную теорию освободительной борьбы пролетариата, учение о его стратегии и тактике, дали законченное учение о пролетарской партии нового типа, руководствующейся в своей деятельности марксизмом-ленинизмом. Созданная Лениным и Сталиным партия нового типа воспитала и организовала российский рабочий класс в духе марксизма-ленинизма и привела его к величайшей, всемирно-исторической победе — Великой Октябрьской социалистической революции.

Марксизм-ленинизм одерживает все новые и новые победы. Трудящиеся Советского Союза построили социализм и начали свое движение к коммунизму. По примеру советского народа строят социализм народы Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании и трудящиеся Германской Демократической Республики. Великий китайский народ, освободившийся от империалистической кабалы, стал под знамя всепобеждающей, великой теории марксизма-ленинизма и создает в своей стране условия для строительства социализма.

Многомиллионным трудящимся массам всего мира все яснее становится научная правдивость марксистско-ленинского предвидения о неизбежности гибели капитализма и победе коммунизма. Теперь все дороги ведут к коммунизму!

Гениальный продолжатель дела Маркса — Энгельса — Ленина, великий корифей науки и преобразователь общественной жизни, зодчий коммунизма Иосиф Виссарионович Сталин оставил Коммунистической партии Советского Союза, народам всей земли драгоценное идейно-теоретическое наследие. Идеи Сталина ярко освещают дальнейший путь передового человечества к торжеству коммунизма. Во главе этого величайшего в истории движения идет наша страна, руководимая Коммунистической партией, учениками и соратниками Сталина. Дело Маркса — Энгельса — Ленина—Сталина в надежных руках!

Н. САМОРУКОВ



Дом в Лондоне, в котором Карл Маркс жил последние 20 лет своей жизни (1864—1883) и в котором он умер.

Могила Карла Маркса в Лондоне.



Маркс о России

К. Маркс с любовью относился к русскому народу, не раз отмечал его высокие моральные качества и глубокую любовь к Родине.

Так же, как и его великий друг Ф. Энгельс, Маркс не раз отзывался о русском народе как о «великом и высокоодаренном», с горячей симпатией относился к борьбе русского народа и его передовых деятелей против царского самодержавия и крепостничества.

К. Маркс высоко ценил достижения русской общественной мысли, передовой русской науки и культуры.

Поль Лафарг в «Воспоминаниях о Марксе» пишет: «Маркс обладал огромным лингвистическим талантом... Когда Марксу было уже 50 лет, он принялся за изучение русского языка и, несмотря на трудность этого языка, овладел им через какие-нибудь полгода настолько, что мог с удовольствием читать русских поэтов и прозаиков, из которых особенно ценил Пушкина, Гоголя и Щедрина».

Маркс в письме в редакцию журнала «Отечественные записки» в ноябре 1877 года писал о том, какое серьезное значение придавал он изучению русского языка:

«Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык и затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету».

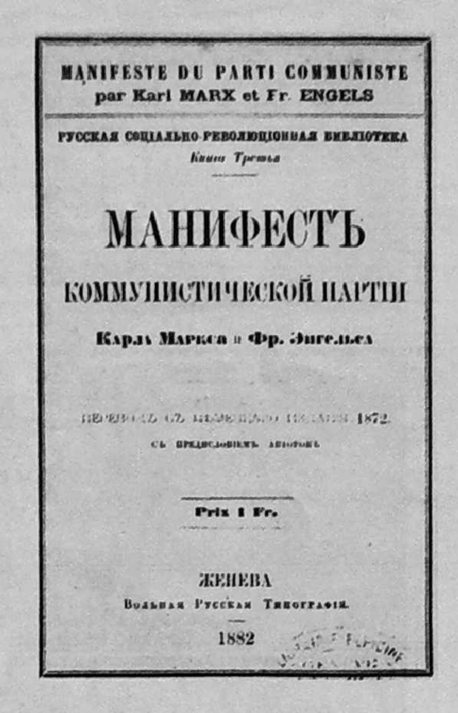
Об этом же Маркс писал и в письме к З. Мейеру 21 января 1871 года:

«Не знаю, сообщал ли я Вам, что с начала 1870 г. мне пришлось самостоятельно заняться изучением русского языка, на котором я теперь читаю довольно бегло. Это вызвано тем, что мне прислали из Петербурга представляющую весьма значительный интерес книгу Флеровского о «Положении рабочего класса в России» (в особенности крестьян) и что я хотел познакомиться также с экономическими (превосходными) работами Чернышевского (в благодарность приговоренного 7 лет тому назад к сибирской каторге). Результат стоит усилий, которые должен потратить человек моих лет на овладение языком, так сильно отличающимся от классических, германских и романских языков».

Энгельс в письме к Лаврову от 28 января 1884 года отмечает, что русская библиотека Маркса содержала очень ценные материалы о социальном положении России той эпохи. Там было собрано почти все, что вышло по этому вопросу.

Маркс глубоко исследовал аграрные отношения, положение крестьян при крепостном праве, пореформенное развитие России и вскрыл ошибочные взгляды народников.

В письме к Зорге от 5 ноября 1880 года Маркс писал о народниках: «Эти господа высказываются против всякой революционной политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай! Пока же они подготовляют этот прыжок нудным доктринерством; так называемые принципы их доктрин вошли в обиход с легкой руки покойного Бакунина».


MANIFESTE DU PARTI COMMUNISTE
par Karl MARX et Fr. ENGELS

РУССКАЯ СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННАЯ БИБЛІОТЕКА
Книга Третья

МАНИФЕСТЪ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ
Карла Маркса и Фр. Энгельса

[illegible] 1872.
[illegible]

Prix 1 Fr.

ЖЕНЕВА
Вольная Русская Типографія.
1882

Обложка первого русского издания «Манифеста Коммунистической партии».

Анализ аграрных отношений в России все больше утверждал Маркса в мысли о назревании революционной ситуации в России, о близости аграрной революции.

Результаты исследования аграрных отношений в России Маркс предполагал использовать в своем гениальном труде — «Капитале», но, к сожалению, ему не удалось осуществить этот план.

В Чернышевском и Добролюбове Маркс видел вождей русской революционной демократии, которые посвятили всю свою жизнь борьбе против царского самодержавия. О Чернышевском Маркс отзывался как о гениальном ученом, замечательном критике.

В послесловии ко второму изданию I тома «Капитала» Маркс писал, что банкротство буржуазной политической экономии «мастерски выяснил уже в своих «Очерках политической экономии по Миллю» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский».

Подчеркивая значение деятельности Чернышевского для революционного движения России и Европы, Маркс писал 24 марта 1870 года членам русской секции I Интернационала:

«Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века». Маркс внимательно следил за судьбой великого русского революционера-демократа. Он собирался написать книгу о Чернышевском, но смерть помешала ему выполнить свой замысел. После ссылки Чернышевского царским правительством в Сибирь Маркс говорил, что политическая смерть Чернышевского есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы.

Маркс высоко оценивал также литературную деятельность Добролюбова. В письме Даниельсону от 9 ноября 1871 года Маркс писал о Добролюбове: «Как писателя я ставлю его наравне с Лессингом и Дидро».

Маркс подчеркивал теснейшую связь передовых мыслителей России с народными массами.

В письме к З. Мейеру 21 января 1871 года Маркс пишет: «Идейное движение, происходящее сейчас в России, свидетельствует о том, что глубоко в низах происходит брожение. Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа...»

Маркс внимательно изучает материалы, посвященные формированию нового общественного класса России — промышленного пролетариата.

На основе тщательного изучения общественного развития России Маркс и Энгельс делали вывод о неизбежности русской революции и предсказывали ее всемирно-историческое значение. Они считали, что «русская революция означает нечто большее, чем простую смену правительства в самой России». Русская революция, по мнению основоположников марксизма, должна была повлечь за собой «такое изменение во всем положении Европы, которое рабочие всех стран должны с радостью приветствовать как гигантский шаг по пути к их общей цели — всеобщему освобождению труда».

Маркс верил в неиссякаемые творческие революционные возможности русского народа.

В письме к Зорге от 27 сентября 1877 года он писал:

«Россия, положение которой я изучил по р у с с к и м оригинальным источникам, неофициальным и официальным (последние доступны лишь ограниченному числу лиц, мне же были доставлены моими друзьями в Петербурге), давно уже стоит на пороге больших переворотов, и все необходимые для этого элементы уже созрели».

Отмечая, что революционная инициатива перешла в 70—80-х годах XIX века к России, Маркс писал в том же письме к Зорге:

«Революция начнется на этот раз на Востоке».

В предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1882 года Маркс и Энгельс отмечали, что «...Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе».

Ни в одной стране популярность основоположников научного социализма не была так велика, как в России. Не случайно первым переводом главного произведения Маркса, «Капитала», на иностранные языки был русский перевод.

Маркс с удовлетворением писал Энгельсу об этом 4 октября 1868 года:

«Меня, разумеется, чрезвычайно обрадовало известие о том, что моя книга появится в Петербурге в р у с с к о м переводе».

В письме к Зорге 5 ноября 1880 года Маркс писал, что «Капитал» в России «больше читают и ценят, чем где бы то ни было...»

Об огромном авторитете Маркса и его учения в среде передовой русской революционной молодежи свидетельствует его переписка с русской секцией I Интернационала. Комитет русской секции просил Маркса быть представителем русской демократической молодежи в Генеральном совете Международного товарищества рабочих и писал Марксу 12 марта 1870 года: «Наше настойчивое желание иметь Вас нашим представителем объясняется тем, что Ваше имя вполне заслуженно почитается русской студенческой молодежью, вышедшей в значительной своей части из рядов трудового народа... Воспитанные в духе идей нашего учителя Чернышевского, осужденного за свои сочинения на каторгу в Сибирь в 1864 г., — мы с радостью приветствовали Ваше изложение социалистических принципов и Вашу критику системы промышленного феодализма».

Маркс отнесся к предложению русской демократической молодежи как к почетному для него делу. В своем ответе членам комитета русской секции I Интернационала 24 марта 1870 года он пишет: «Я с удовольствием принимаю почетную обязанность, которую вы мне предлагаете, быть вашим представителем при Главном совете».

Смерть Маркса 14 марта 1883 года была тяжелой утратой для передовой русской общественности.

Студенты Петровской сельскохозяйственной академии обратились с просьбой к Энгельсу возложить на гроб Маркса венок с надписью:

«Защитнику прав труда в теории и борцу за их осуществление в жизни — от студентов Петровской сельскохозяйственной академии в Москве».

Весь путь развития марксизма в России подтверждает положение Ленина о том, что «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине в ы с т р а д а л а полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы».

Россия, на которую с большой надеждой обращали свои взоры Маркс и Энгельс, явилась первой страной, в которой были осуществлены великие предначертания основоположников марксизма. Россия явилась родиной ленинизма — марксизма эпохи империализма и пролетарских революций, — явилась родиной великих корифеев революционной науки Ленина и Сталина, которые обогатили эту науку новыми выводами и положениями в новых условиях классовой борьбы.

Л. АЛЕКСЕЕВА

ГЕНИАЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК СЛОВА



И. В. СТАЛИН и А. М. ГОРЬКИЙ на Красной площади. 1931 год.

«Есть много примеров, когда художник является объективным историком своего класса, своей эпохи». Алексей Максимович Горький, написавший эти слова, сам создал своими произведениями своеобразную художественную летопись эпохи распада и крушения капитализма и рождения нового, социалистического общества.

В 1892 году в тифлисской газете появился первый рассказ Максима Горького. Вскоре молодой писатель завоевал обширную читательскую аудиторию.

Уже в его ранних произведениях гневное обличение «свинцовых мерзостей» окружающей действительности сочеталось с яркой, устремленной в будущее мечтой о свободном, прекрасном человеке. Мир купцов Маякиных и мещан Бессеменовых встретил в Горьком непримиримого врага. В литературу пришел писатель, страстно желавший, подобно одному из своих героев, «вмешаться в самую гущу жизни... месить ее и так и эдак... тому — помешать, этому — помочь...».

Он зорко подмечал затеплившиеся в человеческих душах огоньки нового сознания и старался своими книгами раздувать их в жаркое пламя революционной борьбы. И вот уже звучат со сцены слова машиниста Нила: «Хозяин тот, кто трудится...»

Услышав это, Бессеменов злобно и растерянно бормочет: «Ну, хорошо! Оставайся... хозяин! Поглядим... кто хозяин! Увидим!» — точь-в-точь, как позже говорили все те, кого лишила власти Великая Октябрьская социалистическая революция.

Одно за другим появлялись все новые и новые произведения Горького: книги, пьесы, статьи, памфлеты. В своем художественном творчестве он выступил как родоначальник литературы социалистического реализма, характеризующейся стремлением к активному, действенному вмешательству в жизнь.

«Влияние художественного слова Горького на судьбы нашей революции,— говорил В. М. Молотов,— непосредственнее и сильнее, чем влияние какого-либо другого нашего писателя».

И. В. Сталин высоко оценил глубоко оптимистический характер сказки Горького «Девушка и Смерть». «Буревестник» Горького,— вспоминал М. И. Калинин,— как бы обобщил настроение, желание бороться с самодержавием». Огромное впечатление на всю трудовую Россию произвел роман «Мать», который Ленин оценил как очень своевременную, нужную книгу. «Великолепными» назвал Владимир Ильич появившиеся в большевистской печати «Сказки об Италии».

Горьковское перо обнажало истинную сущность благопристойных либералов Бардиных, пригвождало модных буржуазных писателей и философов, чьи идеи «продаются по шестнадцати копеек строка», клеймило аполитичных, трусливых интеллигентов, которые «ходят и — уныло ищут места, где бы можно спрятаться от жизни».

После Великого Октября писатель создает монументальные произведения: «Дело Артамоновых» и «Жизнь Клима Самгина».

Растлевающее влияние капиталистических отношений, вырождение и распад человеческой личности в буржуазной среде с огромной силой показаны в «Деле Артамоновых».

Эпопея «Жизнь Клима Самгина» как бы подводит итог многолетней борьбы наиболее прозорливых художников прошлого со скользким, беспринципным, враждебным подлинной революционности либерализмом. Поставив Самгина перед лицом крушения общества, где процветали подобные свободолюбцы и человеколюбцы применительно к подлости, Горький обличает своего героя как покорного слугу этого общества, как политического провокатора и предателя, как глубоко растленного человечка. Крах, саморазоблачение определенного социального типа в эпоху пролетарских революций — таков главный мотив эпопеи, нарастающий среди гула исторических потрясений, надвигающихся на Самгина, который отчаянно мечется между представителями разных классов и убеждений в попытках скрыть свое истинное нутро.

С большим волнением готовился Горький к созданию книг о новой, советской действительности. Очерки «По Союзу Советов» и «Рассказы о героях» — таковы первые подступы писателя к этой благородной задаче, решить которую ему помешала смерть от руки презренных троцкистско-бухаринских бандитов.

Громадный размах принимает после Великой Октябрьской социалистической революции и особенно после возвращения Горького в СССР в 1928 году его общественная и организаторская деятельность.

Еще до революции Алексей Максимович отдавал много сил для сплочения самых передовых, талантливых, честных литераторов сначала вокруг издательства «Знание», а затем вокруг журнала «Летопись» и издательства «Парус», руководящая роль в которых принадлежала Горькому.

В первые послереволюционные годы Горький сыграл большую роль в деле привлечения на сторону советской власти научной интеллигенции и представителей искусства.

Впоследствии по инициативе Горького были созданы многие журналы, начаты такие фундаментальные труды, как, например, «История гражданской войны», серийные выпуски «Жизнь замечательных людей», «История молодого человека XIX столетия».

Горький явился непосредственным органи-

затором и первым руководителем Союза советских писателей СССР. Множество писателей обязаны своими творческими успехами его чуткому, товарищескому, подчас резкому и строгому, но всегда доброжелательному отношению к их работе.

Деятельность Горького не ограничивалась вопросами литературы и искусства. Теснейшим образом был связан великий писатель со всем, что происходило в его стране. «...Свидетель тяжбы старого с новым» — назвал он себя в одном из очерков. Это, конечно, чересчур скромное определение. Он был одним из самых ярых защитников нового, одним из непримиримейших врагов старого. «Беспристрастие — это бесстрастие. **Мы — люди страстные, мы страстно ненавидим и мы будем пристрастны — с тем нас и берите!»** — эти слова Горького как нельзя лучше характеризуют его человеческую, писательскую, общественную сущность.

Огромную роль в творческом развитии великого писателя сыграла поддержка его нашей Коммунистической партией и ее гениальными вождями — Лениным и Сталиным.

Отношение Ленина и Сталина к Горькому — это образец вдумчивого и бережного руководства литературой. Так, всячески стремясь привлечь Горького к участию в большевистской печати, Ленин, тем не менее, заботливо оговаривался: «...если лучше чувствуете себя за **большой** работой,— уж, конечно, я не посоветую прерывать ее. Она больше пользы принесет!».

Ленин дальновидно рекомендовал отложить работу над «Делом Артамоновых»: «Конца-то действительность не дает. Нет, это надо писать после революции...»

Известно, как мягко и тактично разъяснил Иосиф Виссарионович Сталин Горькому роль критики и самокритики в нашем обществе. И в написанном Алексеем Максимовичем «Ответе интеллигенту» явственно ощущается, что Горький отлично понял и «принял на вооружение» сталинские идеи.

«Советская пресса,— говорит он,— не скрывает отрицательных явлений действительности, она построена на принципе жесточайшей самокритики, и нет такого сора, который она побоялась бы «вынести из избы».

Ленин и Сталин со всей прямотой критиковали ошибки Горького. Эта суровая критика помогла писателю осознать свои заблуждения и найти верный путь к преодолению их.

С глубокой благодарностью относился Горький к Ленину и Сталину, другом которых он был.

В своем очерке-портрете «В. И. Ленин» писатель с большой художественной выразительностью запечатлел образ этого великого и «простого, как правда», человека.

Горький собирался написать и литературный портрет И. В. Сталина. «Рассказывая о нем,— вспоминал П. А. Павленко,— Алексей Максимович как-то особенно прищуривал глаза и счастливо улыбался. Еще не написанный, но уже, видно, ясный в своих основных контурах портрет рисовался его воображению, и он заранее радовался назревшей творческой удаче. Еще год — два, и эта книга, несомненно, появилась бы».

В письмах, речах и статьях Горького рассыпано множество характеристик И. В. Сталина, которые могут дать хотя бы отдаленное представление о том высоком поэтическом звучании, которое, наверное, приобрела бы эта книга великого писателя. Вот что писал, например, Горький в статье «Правда социализма» (1934 год):

«...Непрерывно и все быстрее растет в мире значение Иосифа Сталина, человека, который, наиболее глубоко освоив энергию и смелость учителя и товарища своего, вот уже десять лет достойно замещает его на труднейшем посту вождя партии... Отлично организованная воля, проницательный ум великого теоретика, смелость талантливого хозяина, интуиция подлинного революционера, который умеет тонко разобраться в сложных качествах людей и, воспитывая лучшие из этих качеств, беспощадно бороться против тех, которые мешают первым развиться до предельной высоты,— поставили его на место Ленина».

В наши дни литературное наследие Алексея Максимовича Горького попрежнему является в руках советского народа и всего прогрессивного человечества надежным оружием в борьбе за мир, за демократию, за построение коммунизма.

Один из героев сатирических горьковских интервью заметил: «Прошло время, когда Короли давали конституции,— пора уже брать их назад!» То же могла бы сегодня сказать о себе буржуазия, выбросившая за борт и знамя буржуазно-демократических свобод и знамя национальной независимости и национального суверенитета. И как современно звучат сейчас слова, написанные Горьким больше двадцати лет назад: «...европейская буржуазия вспоминает себя в конце XVIII века, когда она боролась под лозунгом свободы, братства и равенства и вспоминает эту борьбу, кажется, уже как печальную ошибку своей юности».

Самому острому и беспощадному разоблачению подверглась в творчестве Горького наиболее «глупо жадная к деньгам» буржуазия Соединенных Штатов Америки — «бандиты биржи и банков», бизнесмены (что, по мнению Горького, означает «маниаки»).

Начав развенчание «американского образа жизни» в своем замечательном памфлете «Город Желтого Дьявола», Горький снова и снова возвращался к этой «самой уродливой цивилизации нашей планеты». Высмеивая чванные похвальбы американской прессы, Горький с уничтожающим сарказмом отзывался об их излюбленных дешевых пропагандистских приемах:

«...У американцев есть привычка хвастаться тем, что в США мальчики — торговцы газетами возвышаются до карьеры президентов.

Напоминая об этом, я хочу отметить только ловкость мальчиков, но не таланты президентов,— о талантах последних мне ничего не известно».

И еще:

«О человеке, который научился доить коров, мы не говорим: он изобрел молоко. Но когда читаешь биографии или автобиографии капиталистов, например, Форда, ясно, что капиталист считает себя изобретателем молока, а не приемов доения коровы».

Особенное значение приобретают сейчас многочисленные выступления Горького против подготовки новых войн, против разжигания человеконенавистнических инстинктов и национальной розни.

Писатель прекрасно видел и стремился разъяснить всем честным людям земного шара подоплеку империалистической политики вооружений и агрессии.

«Чего хотят короли промышленности, снова организуя всемирную бойню? — спрашивал Горький и тут же отвечал: — Они воображают, что война поможет им выскочить из тисков экономического кризиса, созданного анархией производства, идиотизмом страсти к наживе.

Фигурально говоря, они хотят еще раз принять ванну из крови трудового народа, надеясь, что это оживит их старческую дряхлость».

Горький верил в то, что любое военное выступление империалистических хищников против Советского Союза приведет их к неминуемому разгрому. Он знал, что страну социализма ожидают впереди тяжелые испытания; он предупреждал об этом советских людей, призывал воспитывать в молодежи патриотизм, стойкость и сознательную, пролетарскую ненависть к капитализму и его крайнему проявлению — фашизму. Но незыблемым было его убеждение: «Враг осужден и погибнет тем скорей, чем более безумна и подла будет его неистовая жажда крови».

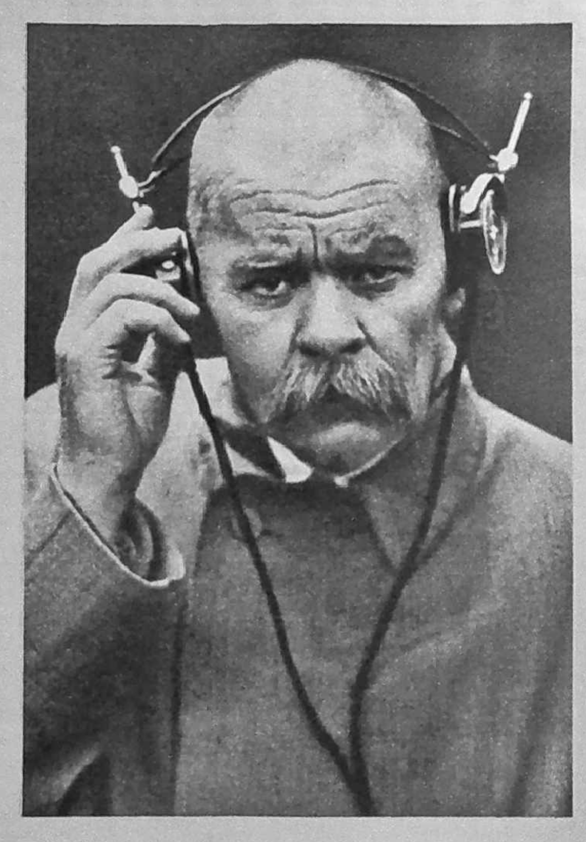
Это предсказание оказалось справедливым для немецко-итальянского фашизма. И если в мире найдутся охотники последовать примеру Гитлера и Муссолини, история вновь подтвердит правоту этих вещих слов.

Отмечая 85-летие со дня рождения великого советского писателя, мы снова и снова вспоминаем слова В. М. Молотова:

«У Максима Горького много миллионов читателей-поклонников. Ряды их будут еще долго расти и расти».

А. ТУРКОВ

М. Горький в Нижегородской радиолаборатории



М. Горький в Нижегородской радиолаборатории. Редкий снимок.

В августе 1928 года Алексей Максимович Горький посетил Нижний Новгород.

Вскоре после приезда писатель побывал в Нижегородской радиолаборатории имени В. И. Ленина.

Эта лаборатория, созданная в 1918 году по личному указанию В. И. Ленина, успешно справилась с задачами, поставленными перед ней. М. А. Бонч-Бруевич, В. П. Вологдин, В. В. Татаринов, О. В. Лосев и другие научные сотрудники создали новые радиотехнические теории и получили ряд замечательных практических результатов. Дважды (в 1922 и 1928 годах) Нижегородская радиолаборатория награждалась орденами Трудового Красного Знамени.

Во время осмотра лаборатории профессор Татаринов рассказал А. М. Горькому, что он и его сотрудники занимаются изучением радиопомех и способов борьбы с ними.

— Вы, что же, природу собираетесь переделывать? — спросил Горький.

— Мы хотим изучить природу и сделать так, чтобы она не мешала нашим радиопередачам,— ответил Татаринов.

Ответ понравился Горькому и, как мы увидим, запомнился ему.

Алексею Максимовичу показали последние образцы «пустотных реле» (как в то время называли радиолампы). В лаборатории приемных устройств ему также продемонстрировали новейшую аппаратуру. Надев наушники, он сосредоточенно прислушивался к доносившимся звукам... Этот момент запечатлен на помещаемой здесь фотографии.

7 августа вечером Алексей Максимович присутствовал на заседании Нижегородского губисполкома.

Весной 1928 года ураганом был снесен недавно построенный мост через Оку. Кое-кто на заседании сетовал на техническую отсталость Советской России. Выступая на заседании, Горький поделился своими впечатлениями и не упустил случая упомянуть об урагане, который разбил мост.

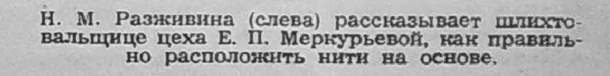
«Ураган этот пока не во власти рабочего класса,— лукаво прищурился Горький под веселое оживление и смех присутствующих, — но я думаю, товарищи, что с развитием технических знаний, несомненно, рабочий класс оборвет крылья урагану и свернет ему голову, если она у него есть. Это не надо, товарищи, рассматривать, как шутку. Я побывал здесь на набережной в Радиолаборатории, походил, посмотрел. Будучи еще и раньше знаком с этой работой, я полагаю, что я вправе говорить о возможности свернуть урагану голову, ибо эти чудеса, которые делаются простыми людьми, вооруженными техническими знаниями, вооруженными волей, эти люди, которых Вы из себя выделяете, будут прекрасно справляться с ураганами. Почему нет? Какие вообще можно построить преграды человеческой воле и фантазии? Ведь вы же сами этому пример».

А. АДРИАНОВ,
И. ШЛЯХТЕР

ЖЕНЩИНЫ ТЕКСТИЛЬНОГО КРАЯ

К. ЯКОВЛЕВА

Фото Я. Рюмкина.



Н. М. Разживина (слева) рассказывает шлихтовальщице цеха Е. П. Меркурьевой, как правильно расположить нити на основе.

Новаторы

...Встань пораньше и выйди на морозную улицу, когда занимается утро. Гудки поют. В синих сумерках тысячи женщин спешат на работу. Сейчас они займут места у станков и машин — и страна получит новые метры сатинов и ситцев, чудесных тканей, сделанных умелыми руками.

Иваново — сердце текстильного края. За последние два года на ивановских фабриках заработало более полутора тысяч новых станков и машин.

Есть в городе огромный Меланжевый комбинат, вырабатывающий сукна, коверкоты, костюмные ткани. Работницы здесь так хорошо изучили дело, что могут уже учить других. Посланцы комбината ездили в Гори, Ленинакан и Кировабад делиться своим умением. Подмосковной фабрике «Красное знамя» они помогли освоить новую ткань. На текстильный комбинат в далекую Тирану отправилась с группой рабочих сновальщица Латышева...

* * *

Если через сильное увеличительное стекло посмотреть на образчики различных тканей, увидишь порой удивительно сложное переплетение нитей: то нитка ныряет под нитку, то две покрывают одну... Попробуй разберись в этих сложных переходах, если ты не заправочный мастер!

Заправочный мастер — это конструктор ткани. На Меланжевом комбинате так называют Надежду Михайловну Разживину, вот уж много лет создающую рисунки переплетения нитей в тканях.

В тонкой школьной тетрадке ее карандаш заштриховывает страницу за страницей. В долгих и точных расчетах рождается рисунок ткани. Заправочный мастер решает, как лучше расположить нити по рисунку, густоте, цвету, как сделать ткань эластичней.

Осенью Меланжевому комбинату поручили освоить выпуск одежных тканей из штапельного волокна — плотных, тяжелых, похожих на шерсть.

Надежда Михайловна в те дни не уходила от прядильщиков, деля с ними все тревоги. Новая структура волокна требовала других скоростей прядильных машин, иных круток, кропотливого подбора бегунка — это крохотное металлическое полуколечко то и дело обрывало нить.

И вот перед Разживиной лежат образцы удивительных тканей — коричневых и синих, гладких и в полоску, тканей-новинок разных цветов и рисунков. Надежда Михайловна медленно проводит ладонью по мягкой, чуть ворсистой поверхности, так похожей на шерсть, и думает: как же красивы, прочны, дешевы будут костюмы, которые скоро сошьют себе люди!

В коллективе Меланжевого комбината много женщин, которые так же горячо, как Надежда Михайловна, борются за новое и передовое.

Недавно в цехе появился мотальный автомат. Его сделали на Климовском заводе под Москвой, привезли в Иваново, на Меланжевый комбинат, установили и сказали: «Осваивайте». Мотальщицы заглядывались на машину, которая множество операций делает сама. Она напоминает длинный овальный стол, вокруг которого одна за другой плывут катушки, на ходу перематывая нить на бобины. И все заведовали сидящей в кожаном кресле девушке, мимо которой идут катушки. Если и случается обрыв, то бежать никуда не надо: нить сама подойдет к мотальщице.

Машину эту поручили молодому помощнику мастера Шуре Пастуховой.

Рядом с автоматом стоит другая новинка — мотальная машина, работающая на больших скоростях. Осваивать ее взялась сменщица Шуры Рая Савенкова. Старые мотальщицы одобрительно кивали головой и улыбались, вспоминая, должно быть, тот день, когда девушка со светлыми, как лен, волосами первый раз пришла к ним в цех.

Не так давно Рая приехала в Иваново, чтобы стать текстильщицей. Хозяйка комнаты, где она поселилась, советовала: «Поступай лучше на кондитерскую фабрику, а то на мясокомбинат». Но Рая сделала по-своему: в уточном отделе ткацкой фабрики появилась новая приемщица пряжи, а в техникуме при комбинате села за парту новая ученица.

Работать приемщицей пряжи было легко, но на третьем курсе ее неудержимо потянуло к более сложному делу. Она пришла к ткацкому станку зарядчицей, а потом стала заправщицей. Когда в мотально-сновальный цех поставили новую машину и ей предложили здесь совсем незнакомую работу, она согласилась. Тогда же Рая поступила на первый курс вечернего института.

Фабрика учится

Присмотритесь: на ивановских улицах много молодежи с портфелями в руках. В часы, свободные от работы, текстильщицы спешат в вечерние институты, техникумы, школы рабочей молодежи, библиотеки. Они склоняются над учебниками, и книги раскрывают перед ними новые горизонты.

Сотни работниц за последние два года окончили вечерние отделения институтов, техникумы и среднюю школу. В Иванове более полутора тысяч текстильщиц без отрыва от производства учатся в техникумах и вузах. В текстильную промышленность приходит все больше технически грамотных, имеющих производственный опыт людей.

* * *

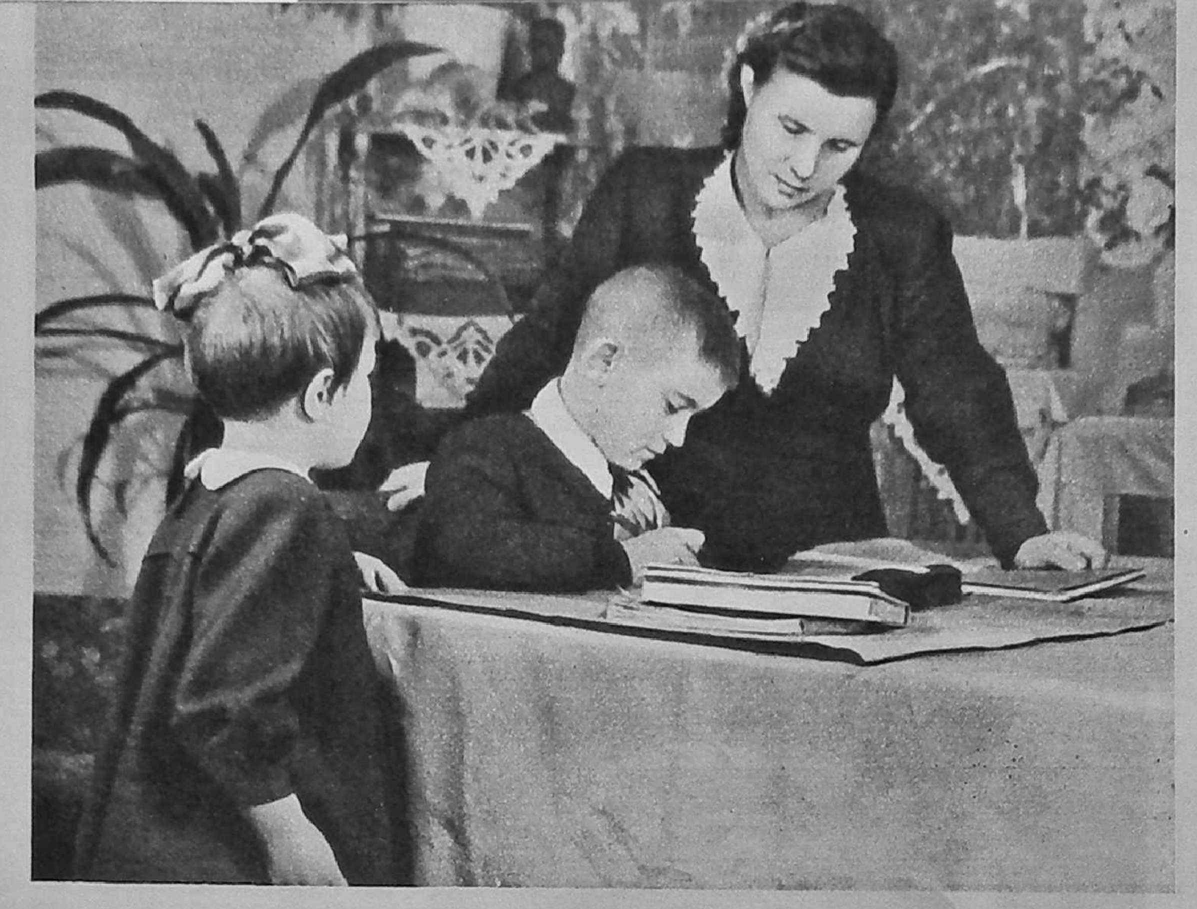
Красные кирпичи потемнели от времени и от дыма фабричных труб. Двести лет стоит фабрика имени Варенцовой. Она не похожа на Меланжевый комбинат, выросший в годы советской власти: здесь, на фабрике, низкие потолки и с этажа на этаж ведут крутые чугунные лестницы старинного узорчатого литья. Весь облик ее говорит: давно она служит людям.

Во времена фабрикантов Горелиных старые фабричные корпуса видели много людского горя — четырнадцатичасовой рабочий день, слезы детей и женщин, нужду и бесправие.

Сейчас в этих старых стенах кипит новая жизнь. Несколько сот девушек работают на фабрике, и зовут ее теперь в городе молодежной. Несколько сот девушек... Многие из них уже с гордостью говорят: «Мой производственный стаж». Они обрели здесь уменье, навык, сноровку, забрав в свои руки все ответственные участки работы.

Большое и хорошее дело начато сейчас коллективом фабрики. Девушки из комсомольской группы Шуры Марченковой обсуждали, где они станут учиться в этой пятилетке. Шура подсчитала, что к последнему году пятилетки она окончит десятый класс, Тая Максимова, Рая Чопорова и Надя Наумова — тоже. Но как же те, которые не получили среднего образования и нигде не учатся? Девушки твердо решили: на будущий год они пойдут в 7-й класс!

Все на фабрике видели: лучшие учатся. Мастер чесального отдела Валя Чернова занимается на вечернем отделении текстильного института. А Рая Руденко, лучшая ровничница фабрики? А Вера Брянцева, прядильщица, закончившая годовое задание досрочно? Они девятиклассницы.



Антонина Михайловна Выставкина у себя дома.

И вот девушки составили личные планы, в которых пишут, где и чему они станут учиться в этой пятилетке.

О хорошей затее быстро узнали в фабричных цехах и в комнатах общежитий. Разговор был и на комсомольском собрании. Партийная организация фабрики, дирекция, Городской и Центральный комитеты комсомола горячо поддержали дело, начатое молодежью. А когда всем на фабрике стало ясно, что учиться хотят многие и хорошо бы открыть свой техникум, в министерстве сказали: «Поможем».

Многие девушки сядут за парты лишь будущей осенью, но и этот учебный год не проходит для них зря. Каких только форм технической учебы не встретишь на фабрике! Каждый год более сотни девушек оканчивают производственные технические курсы.

...Мимо технического кабинета люди проходят осторожно и тихо: идут занятия. Рая Бирютина, молодой инженер, стоит у доски с длинной указкой. «Запишите,— звучит ее голос,— разбираем механизм уточной вилочки».

Директор

Двенадцатью фабриками Ивановской области руководят женщины. Они стоят во главе таких крупнейших предприятий, как Большая Ивановская мануфактура, Новая Ивановская мануфактура, фабрика имени Ногина, фабрика имени Балашова... А сколько женщин работает начальниками цехов, заведующими производством, главными инженерами предприятий!

* * *

На Новую Ивановскую мануфактуру ранним утром принесли телеграмму: за хорошую работу предприятию отличного качества присвоено во Всесоюзном социалистическом соревновании знамя ВЦСПС и Министерства легкой промышленности. Директор фабрики Антонина Михайловна Выставкина в то утро вернулась из московской командировки. С поезда она на минутку заехала домой и — сразу на фабрику.

Антонина Михайловна обходила свое большое хозяйство. А люди уже слышали о телеграмме и теплее обычного говорили ей: «Здравствуйте!»

...Антонина Михайловна выросла в семье прядильщика. Кончила школу ФЗУ, пришла на ткацкую фабрику и продолжала учиться дальше — сначала на курсах мастеров, потом в институте. Сбылось заветное: она получила диплом инженера. А через три года начальника ткацкого цеха Антонину Выставкину назначили директором Черницкой фабрики. Ей было 27 лет. Старые ткачи поговаривали: «Молодо — зелено...» Выставкина примчалась на велосипеде в Иваново. «Нет, — сказала она, — не справлюсь...»

Шел 1943 год. Мужу на фронте еще труднее. А текстильной промышленности так нужны знающие люди!

На ее плечи легло множество забот. Нечем топить? Будем сами добывать торф. Нет пряжи? Станем завозить ее сами и в снег и в распутицу, лишь бы не простаивать.

Суровой школой хозяйственного руководства были для молодого директора военные годы.

Потом ее перевели в Иваново. Вот ткацкая фабрика имени Крупской, которая не выполняет плана... И опять было очень трудно, но в 1949 году этой фабрике впервые в текстильной промышленности присвоили звание предприятия отличного качества.

Одиннадцатый год работает Антонина Михайловна директором. На Новой Ивановской мануфактуре — третий год.

И вот сегодня эта телеграмма, и тепло в глазах людей, и крепче обычного пожатия их рук...

Поздно вечером гаснет в директорском кабинете свет. Антонина Михайловна дома. Медленно поднимается она по лестнице. У двери две пары лыж — ее и володины. Там, во дворе, у белой березы, мать и сын каждый выходной день надевают лыжи и уходят по сверкающему снегу. Маленькая Нина, смешная и толстая в теплой шубке, машет им с крыльца.

Дома тихо: спят, наверное... Но только Антонина Михайловна на порог, как в комнату влетают Володя и Нина, и четыре теплые руки обхватывают голову матери...

Иной раз кто-нибудь невзначай или в шутку спрашивает, не хочется ли ей быть только дома, только растить детей и заботиться о муже: она, мол, много уже отдала сил фабрике. Антонина Михайловна поднимает на спрашивающего светлые глаза, полные такого искреннего удивления, что человеку и без слов ясно: движение вперед вместе со всей страной стало частицей ее существа, и без него немыслимы для нее ни счастье, ни сама жизнь.

Молодой инженер Р. Бирютина проводит занятия в стахановской школе.



Помощник мастера А. И. Пастухова (слева) налаживает мотальный автомат. Справа — мотальщица М. Тихонова.

Поселок Бала-Ишем на Узбое. Тут находится база геологов. Рис. А. Пoбединского.

ТАМ, ГДЕ ПРОЙДЕТ КАНАЛ

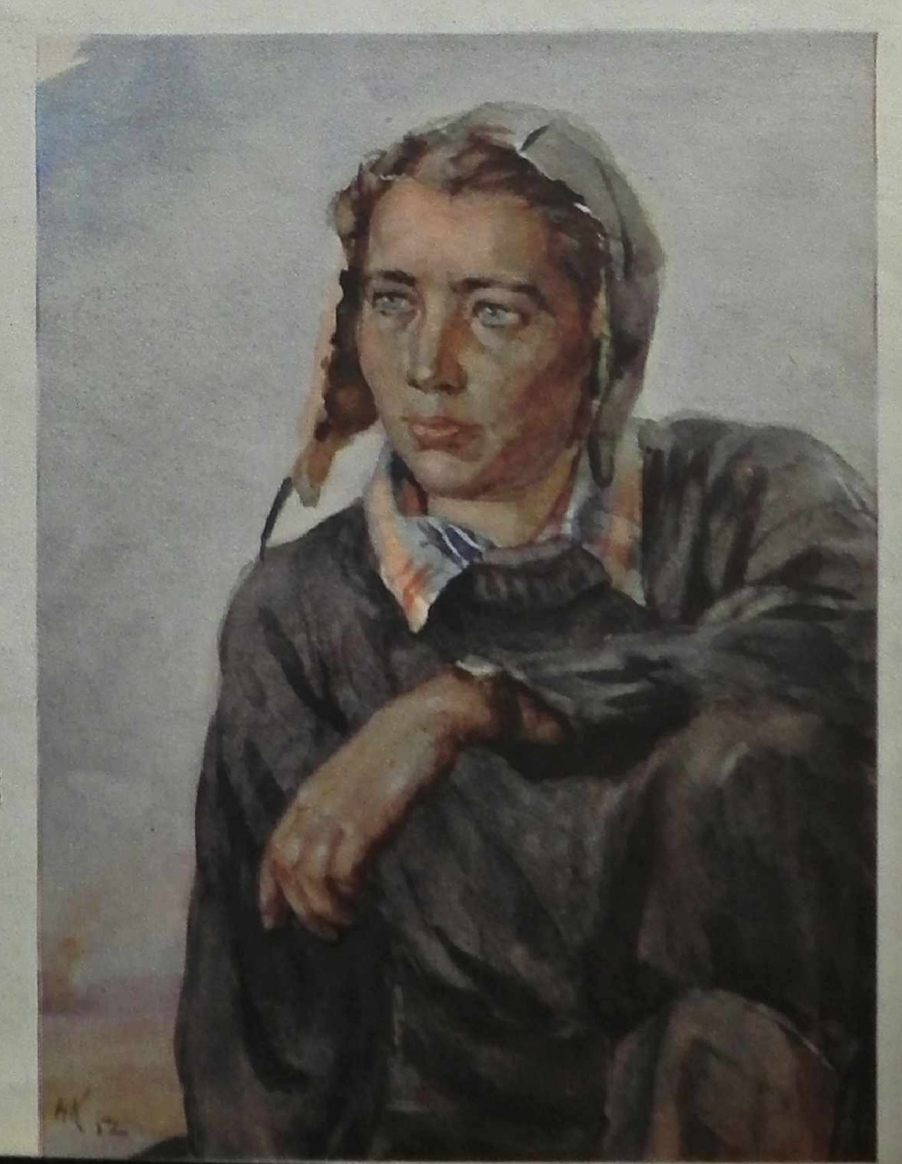
Если бы можно было одним взглядом окинуть все пространство от кофейно-мутных вод Аму-Дарьи до зеленой глади Каспийского моря, мы увидели бы впечатляющую картину наступления советских людей на Кара-Кумы.

У головного сооружения, которое возводится в районе окруженного свежей зеленью Тахиа-Таша, развернулись грандиозные работы. Десятки машин — скреперов, бульдозеров, экскаваторов — прокладывают обводный канал. В середине этого года по нему уже пойдет вода.

Дальше на тысячу километров, через пески пустыни, по сухому руслу Узбоя, по такырам и барханам, протянется трасса канала. Вдоль нее создаются поселки строителей, палаточные городки изыскателей, закладываются сотни буровых скважин. Экспедиции геологов, топографов, археологов не первый год работают здесь, изучая прошлое, намечая будущее этой земли.

У предгорья Копет-Дага создан второй строительный район — технически оснащенный плацдарм для наступления.

Пройдет несколько лет, и воды Аму-Дарьи оживят богатые земли Средней Азии.



Геолог 33-й экспедиции Гидропроекта Наталья Евгеньевна Кравченко.
Рисунок Н. Кольчицкого.



Буровой мастер Бала-Ишема комсомолец Александр Фокин.

↑ *Вдоль отвесных обрывов Зенги-Бабинской возвышенности по дну будущего моря движутся тяжелые тракторные поезда. Они везут разборные дома для исследователей и строителей Главного Туркменского канала.*

Рис. А. Побединского.

→ *Сотни километров песков и барханов, поросших скупой растительностью пустыни, отделяют от ближайшего населенного пункта глубокую буровую скважину в Кара-Кумах. В районе будущего Зенги-Бабинского водохранилища углубятся в толщу земли стальные трубы. Здесь скоро пройдет Главный Туркменский канал.*

Геологи не только исследуют грунты в районе будущего канала и водохранилищ, но и изыскивают пресную воду и полезные ископаемые. Суровой трудовой жизнью живет в палатках и землянках, раскинувшихся возле буровой вышки, почти в самом центре пустыни, дружный коллектив буровых рабочих, мастеров и геологов.

Рис. А. Побединского.



Токарь механических мастерских Ф. Константинов.



Тракторист-бригадир Ж. Танделов.



Моторист Ораз Сапаев.

Зарисовки Н. Кольчицкого.

Выжженная солнцем пустыня расстилается вокруг стен Небит-Дага — молодого города туркменских нефтяников. Черепичные крыши его едва виднеются вдали. Это один из тех городов, которые возникнут вдоль трассы канала. ↑

Рис. А. Побединского.



Питаемые грунтовыми водами, тысячи лет не пересыхают соленые озера у Куртышских порогов Узбоя.
Невдалеке от озер находится поселок строителей Куртыш-Баба.

Рис. А. Побединского.

ПРЕЗИДЕНТ И ШАХТЕР

Рассказ

Иржи МАРЕК

Когда шахтер шел двором Града, его шаги одиноко раздавались на больших плитах мостовой. Колокольня собора возносилась в утренней дымке, здания отбрасывали легкие серые тени. В этот ранний час он не встретил на своем пути никого. Поднялся он так рано потому, что ему не спалось — не столько от необычно мягкой для него постели в номере отеля, сколько от волнения: завтра, завтра он будет в Граде.

Ему бы следовало захватить с собой теплое пальто, но он не взял его, и теперь ему было холодно. Ему казалось, что серое зимнее пальто с сильно потертыми рукавами не идет к парадному черному горняцкому кителю. То же самое думала и его жена. Она находила, что ее муж очень красив в этом необычном костюме и в маленькой, слегка надвинутой на лоб фуражке с вышитыми на ней золотом двумя молоточками. Жена была еще достаточно молода и обращала внимание на такие вещи. Завидуя в душе тому, что муж едет к самому Готвальду, она изо всех сил старалась, чтобы он выглядел как можно красивее.

Он ничего не слышал, кроме своих шагов. Так раздаются они иногда в пустой штольне, когда канатная дорога не работает.

Шахтер посмотрел на башенные часы: было начало восьмого. Его бригада уже давно подорвала пласт угля и подготовила крепеж. Через минуту загремят желоба, заскрипят тросы и потянут за собой вагонетки с углем. А он расхаживает здесь, в тени просторного двора.

Ему показалось неудобным бродить под окнами. Он был уверен, что именно за одним из этих окон проснется тот, кто через два часа примет его. «А может быть, он уже за работой? Говорят, президент встает рано и много работает».

Поэтому шахтер старался ступать тише — его беспокоил шум собственных шагов. Он направился в следующий двор, такой же просторный и красивый. Он продолжал расхаживать один. Поодаль спешили какие-то служащие с портфелями подмышкой и промелькнул черный автомобиль. «Вот здесь я встречусь с другими членами делегации,— думал он.— Разумеется, можно было бы встретиться и в управлении, но у кого хватит терпения ждать где-то в канцелярии?»

Он нащупал в кармане листок бумаги, на котором было записано торжественное приветствие, краткая вступительная речь; он должен будет ее произнести, стоя лицом к лицу с президентом. Шахтеры с любовью подбирали слова необыкновенной силы для своего президента. Делегат заучивал их всю дорогу до Праги. Он мог бы хоть сейчас произнести эту речь слово в слово. Он не настолько еще стар, чтобы ему изменила память. Разве так это много — сорок лет! Но сейчас он не думает о речи. За спиной высится величественный Град, а внизу раскинулась вся Прага, окутанная туманом, и все же в нем четко проступают очертания старинных башен. Река едва заметно поблескивает в лучах наступающего дня, и удивительная тишина стоит над городом, который отсюда, с высоты, кажется неподвижным, молчаливым. («Точно шахта»,— улыбаясь, подумал шахтер.)

Нет, теперь уже незачем повторять приветствие. Есть более важное дело. С той минуты, когда стало известно, что он поедет с делегацией, товарищи подходили к нему в раздевалке, в ламповой, внизу, в шахте. Им хотелось поговорить до его отъезда, узнать, что он чувствует, рад ли он. В управлении считали, что все это лишь парадный прием, официальные приветствия. На шахте же думали по-другому: шахтеры просили передать президенту особый привет. И нужно, чтобы их делегат передал этот привет как можно лучше. Их поздравления — это обстоятельные, идущие от сердца слова, которые невозможно сказать в обычной официальной фразе. Если бы он вздумал передавать президенту все, что наказывали шахтеры, пришлось бы просидеть целый день. Кстати, сколько длится обычный прием? И вообще он не знает, что́ ему еще придется сказать после того, как он произнесет свое приветствие, записанное на бумажке. Может, этим все и кончится? Но в таком случае как же передать все наказы?

Старый Ионашек первый затащил его в свою будку (в шахте Ионашек выдает инструменты, работать забойщиком он уже не в силах, но жить без шахты не может).

— Да он, пожалуй, еще не забыл моего имени. Не удивляйся, ведь ты не знаешь, что я делал раньше. Ты думаешь, что я всю жизнь торчал здесь и выдавал людям новые сверла и кирки? Я знаком с Готвальдом и Запотоцким, было бы тебе известно. С Запотоцким я разговаривал не один раз и как-нибудь уж найду время съездить к нему в Прагу. Но к президенту, понятно, я не могу заявиться,— Ионашек похлопал его по плечу.— Тебе, парень, оказали великую честь, ты стал ударником, и я рад за тебя. Не забудь же передать: «Шлет вам сердечный привет Ионашек, тот самый, что стоял рядом с вами в тридцатом году в Литвинове». И вот увидишь, он сразу вспомнит.

Не желая огорчать старика, он кивнул в знак согласия, хотя ему было непонятно, почему президент должен вспомнить именно об этом.

Старик улыбнулся:

— Да, ты не знаешь этого. Ведь тогда в Литвинове на демонстрацию вышли все: шахтеры, текстильщики, женщины. Был там и он, депутат Готвальд. Я вот, как сейчас, вижу его. Как он говорил! Не так, как другие: он не кричал и не нападал на кого попало. Когда он заговорил, у женщин выступили слезы на глазах, все сразу поверили, что придет день, когда власть богачей разлетится вдребезги. Он разъяснил нам причины нашей безрадостной жизни. И тут на нас, как водилось, налетели жандармы, пошли в ход штыки. А мы, знаешь, стали перед ним, говорим: «Товарищ депутат, спасайся, дело плохо, мы уж одни как-нибудь справимся». Но он только покачал головой и остался с нами. Когда же началась свалка, я заметил, что один жандарм, такой плюгавенький, волосатый, как турок, нацелился прямо в него и орет что-то. И вдруг в этой неразберихе наш депутат подымает руку, а жандармский штык упирается ему в грудь.

«Неужели он проткнет его?!» — закричал я, но поздно. Жандармы уже столпились вокруг, а он утирал окровавленное лицо. Ведь это был наш депутат, и закон не спас его от штыков. Мы попытались спасти его, да не было у нас тогда еще опыта. Но мы все-таки увели его с площади, хоть он и протестовал. Что было дальше, не знаю: я спешил на работу (в то время она была у меня), но газеты — не наши, наши были конфискованы — упоминали об этом случае... Ну, так передай ему, что с тобой на шахте работает один из участников литвиновской демонстрации.

И старик прищурил глаза, чтобы лучше представить себе этот старый, полузабытый эпизод.

— Так запомни же! — Ионашек положил ему руку на сердце. И еще раз остановил: — Я часто думаю, жив ли еще тот жандарм, который тогда ранил Готвальда. И не стыдно ли ему теперь?

...Прага внизу все яснее выступает из тумана, с каждой минутой становится все красивей. Над Градом торжественная тишина, легкий ветер чуть колышет флаги.

«И в то время в маленьком городке его осмелился ранить жандарм первой республики!»

Наказ Ионашека был далеко не единственный. Собственная бригада чуть не обиделась:

— Не стоит, пожалуй, рассказывать о таком давнишнем случае. Не забудь, что мы твоя бригада, мы такие же ударники, как ты, и раз ты едешь один, то обязан передать привет президенту прежде всего от нас.

— Это само собой понятно,— проворчал он, чтобы успокоить их.

— А что ты скажешь? Ну, говори, что пришло тебе в голову?

— Я скажу, что вы передаете ему привет... Первая ударная бригада на нашей шахте... Хватит этого или нет?

Один засмеялся:

— Чудак ты! Тебе не кажется, что кровь тебе в голову бросилась? Заважничал, говоришь: «хватит»... Ты толково расскажи, кто мы и откуда. Вот Вашек — пекарь. О нем скажи так: «Господин президент, у нас ведь есть пекарь, который в ответ на ваш призыв стал шахтером».

Вашек, бывший пекарь, застенчиво потупился, но внимательно ловил каждое слово своих товарищей о себе: в конце концов, они говорили правду.

— Вот Тонда Кроутил, который в прошлом году, когда срывалось выполнение плана, отказался от отпуска. Ведь и о нем стоит сказать несколько слов. А откатчик Пепик?! Без него иной раз и с места не сдвинуться. Значит, и о нем следует упомянуть.

Шахтер смотрит на Прагу и улыбается:

«Эх, ребята, вам любое дело кажется очень легким. И я представлял себе это так же. Под землей, в темноте, все как-то упрощается: земля наверху, Град далеко, в Праге,— все можно сказать и все пообещать. Но когда ты стоишь здесь, над Прагой, и видишь, как стрелка башенных часов приближается к назначенному времени, все кажется гораздо сложнее».

А сколько народу еще подходило к нему!

— Скажи ему, что у нас здесь все в порядке, и в случае чего он может на нас положиться,— наказывает высокий смуглый Галтера, здоровый парень да и порядочный забияка.

Нет, его наказ вообще не следует передавать. Впрочем, почему не следует? Он все-таки говорит о немаловажном и правдивом деле; это не только его слова, так думают все: «Мы шли за ним в феврале и пойдем снова...» Так говорит не только Галтера и не только шахтеры,— так говорит весь народ, который способен сдвинуть с места и землю. Так почему же не передать и этот наказ?

— Ты постарайся там не жаловаться и не вспоминать о тяжелых временах, когда нам приходилось туго,— предупреждает Лойза Шках, морщинистый, с вечно красными от недосыпания глазами; ему ежедневно приходится бывать на нескольких собраниях, и он не пропускает ни одного.— А если он спросит, то скажи: порой приходилось туговато, иногда и живот подводило, но все это позади. Теперь у нас отпала забота о пище.

Подумав, он добавил:

— В конце концов, если разобраться, ты мог бы спокойно рассказать ему обо всем

этом: кто же позаботился о том, чтобы мы были сыты?! Кто ездил тогда в Россию за пшеницей? Пожалуй, следовало бы сказать, если придется к слову, что мы об этом не забываем. Но главное, скажи: мы идем вперед!

— Не забудь рассказать, как ты начинал ставить рекорды и как мы мешали тебе.

Товарищи напоминают ему об этом случае, опасаясь, что в Праге он сам вспомнит то, чего они теперь уже стыдятся. Впрочем, как он будет говорить о таких пустяках, о которых даже дома молчит!

Пройти по дворам Града — и то уже великое дело: ведь у Града такая славная история, что мелкие стычки бледнеют перед ней. Взять хотя бы вот эти два деревянных флагштока. Внизу они обиты блестящей жестью, шпиль наверху позолочен, они высокие, мощные, даже не верится, что где-нибудь могли вырасти такие деревья, из стволов которых они сделаны. Он обходит их и щупает руками, потому что знает толк в хорошем, крепком дереве. Вот так же он выбирает прочную стойку перед тем, как поставить ее на место, так же ощупывает балку, прежде чем загнать под нее последний клин. Его мысли снова возвращаются к шахте.

— Передай привет нашему Клеме. Можешь ему сказать, что между собой мы называем его так, потому что так сердечней.

Конечно, Клема — звучит сердечнее, почему бы и не называть его этим именем у себя дома? В феврале иначе и не говорили: «А вы думаете, что Клема испугается? Значит, вы его не знаете!»

Да, тогда это было уместно, в те темные ночи, когда от холодного ветра захватывало дыхание, а затворы винтовок примерзали к голым рукам, когда люди шли на собрание, как во время мобилизации. В те дни и ночи, когда все репродукторы шахтерского поселка ловили Прагу, тогда в Праге говорил он, Клемент. Но называть его так сейчас неудобно. Здесь Град, товарищи, а он президент. И вы бы, братцы, опешили, и у вас бы вспотели ладони, и вы бы в тревоге поглядывали на часы.

Уже пора идти туда, где должны встретиться все члены делегации. Вот она, эта минута! Ждать ее было хорошо, но когда она наступила, сделалось почти страшно.

И он смотрит еще раз вниз, на город, и возвращается во двор.

Он пытается стряхнуть пыль со своего шахтерского черного кителя и с ужасом смотрит на свои ботинки: сразу видно, что он шел в Град пешком. Он вытирает носки ботинок о брюки, а потом отряхивает брюки рукой. «Хорошо еще, что жена не видит! Впрочем, жена тоже растерялась бы, будь она на моем месте».

В голову ему приходит странная мысль: как, собственно, выглядит президент? Разумеется, он знает его по портретам. И вчера, проходя по улицам Праги, он особенно внимательно вглядывался в его портреты на витринах. Ему было знакомо лицо президента — легкая усмешка, таящаяся в глазах, легкий наклон головы и резкая морщинка на лбу, след беспрестанных размышлений. Но верны ли портреты? Стоит только взглянуть на них, и сразу видно, что они отличаются друг от друга: на одном — он как будто помоложе, на другом — постарше.

Он вспоминает один случай. Когда в тридцать втором году у них на севере началась крупная забастовка, он был одним из мальчиков-велосипедистов, развозивших по шахтам важные сообщения забастовочного комитета. Обычно мальчики сидели в ожидании у трактира, в залах которого в это время происходили совещания. Однажды оттуда вышел человек. Кто-то сказал, что это один из руководителей забастовки, Клемент Готвальд. «Тогда я был еще мальчишкой и не посмотрел на него как следует,— досадует он на самого себя. — Кто бы тогда подумал, что когда-нибудь я буду у него на приеме! Сейчас было бы, конечно, удобнее идти к президенту, зная, что мы уже встречались, и притом в славные времена забастовок».

Размышления его прервали: прибыла машина с делегацией. Выйдя из машины, делегаты подозвали его. Они волнуются, и он улыбается при мысли, что не только ему, но и им, бывалым людям, тоже не по себе.

— Как раз сейчас я вспоминал, что однажды я уже видел президента,— начинает он, но товарищи прерывают его:

— Оставь воспоминания, теперь главное, чтобы встреча прошла хорошо.

— Речь приготовил?

— Все в порядке.

Он не успевает кивнуть в знак согласия, как они уже входят в стеклянные двери и поднимаются по широкой лестнице. Часовые, стоящие здесь, делают «на караул», делегаты приподнимают шляпы, и солдаты снова превращаются в каменные изваяния.

«Какой почет,— удивляется он,— какая честь для меня! Кто мне поверит, а ведь это — только начало!»

Под ногами алеет пушистый ковер, шахтеру хотелось бы разглядеть его получше, но времени нет. Они уже наверху, кто-то берет у них шляпы и пальто. Ему нечего снимать, но он поправляет волосы и галстук, о котором так беспокоилась жена...

— Президент ожидает вас.

Значит, он тоже ожидал! За работой он, может быть, вдруг вспомнил: «Передохну, сегодня сюда придет один шахтер с делегацией, но сумеет ли этот шахтер передать то, что нужно».

Нет, он, наверно, так не думал.

Они прошли через один большой зал, затем через другой... Сколько же их еще будет? Какая красота! Открылись двери, белые, высокие, и тут он увидел перед собой президента. Президент стоял у письменного стола и смотрел на них.

«Он! — озарила его радостная мысль.— Совсем такой же, как тогда, в тридцать втором году, только чуть постарше...»

Делегаты становятся полукругом. Директор шахты представляет их, и президент пожимает каждому руку. Возможно, что другие слегка поклонились, но шахтер стоял прямо: он боялся отвести глаза от президента, ему хотелось хорошенько запомнить его черты. Тут он вспомнил, что ему пора начать приветственную речь, но ни одно слово не приходило на ум. Вместо речи в голове толпятся многочисленные шахтерские наказы, он точно слышит, как товарищи перебивают друг друга, шумят, кричат.

Нет, это кровь стучит у него в висках — вокруг тишина. Очевидно, ему пора говорить.

Президент стоит рядом, смотрит ему в лицо, и шахтеру кажется, что президент еле заметно шевелит губами и тихонько, совсем тихонько шепчет: «Только не волнуйся, шахтер!»

Он как будто бы подсказывает шахтеру, как будто бы хочет немножко подбодрить его. Возможно, потому он так лукаво и улыбнулся, что очень хорошо понимает самочувствие шахтера, стоящего перед ним. Тогда шахтер выпрямляется и говорит. Он обращается к президенту со словами приветствия.

И чем дольше он говорит, тем больше ему кажется, что все будет в порядке и что напрасно он боялся и заранее сочинял приветствие. Он даже не заканчивает подготовленную речь и передает приветы от всех, кто горячо просил его сделать это.

— Вы не знаете их, господин президент, но это ничего: они знают вас и поэтому поручили мне передать приветы и от них. Они мне наговорили столько, что я не смог бы рассказать всего за целый день. Но, в конце концов, все просьбы похожи одна на другую. Словом, они очень любят вас.

Президент улыбается, благодарит и движением руки приглашает всех к столу. «Так же, как делаешь ты, когда к тебе приходит кто-нибудь в гости». Президент присаживается вместе с ними и наклоняется к шахтеру:

— А ведь твои шахтеры мне хорошо известны не только по работе в шахте.

— Я знаю! — восторженно восклицает он.— В тридцать втором году. Я помню вас, а мой покойный отец даже разговаривал с вами.

Остальные молчат, впрочем, не все: директор шахты также говорит что-то. Глядите-ка, сказал бы каждый, ну что директор может знать! Но он знает о забастовке больше, чем ты. Возможно, он сам участвовал в ней, когда она началась на Гумбольдтке, а люди расходились по другим шахтам.

— Фортуна и Квидо...

— Гедвика, Эвген, Рихард...

— Элла, Юлиус...

Они перечисляют шахты так же, как перекликались тогда сирены, объявлявшие о прекращении работы; говорили втроем так, что не было никакой разницы между тем, что сказал президент, директор, шахтер, потому что сейчас они представители старшего поколения борцов и имеют право вспоминать о борьбе, в которой они были соратниками, не зная друг друга. Но сегодня они встретились и вспоминают о героическом прошлом.

— Тогда к границам Саксонии шли женщины и дети, а шахтеры прекр[illegible] работу, видя их. На электростанции [illegible]ояли солдаты, а мы у забора подсме[illegible] над ними...

— А что было, когда [illegible]ам присоединились Кладно и в конце марта Острава! Тогда мы действовали вместе и потому имели успех!

— Я припоминаю стычку перед домом гор-

Клемент Готвальд беседует с учениками-шахтерами (июль 1950 года).



няка в Мосте, где соглашатели из желтого профсоюза тогда решали, как протрубить отбой забастовке.

— Да, они часто трубили отбой, но люди им не верили, они шли тогда уже за нами.

— Тогда же на нас налетели и драгуны.

— Они открыли стрельбу. Помните, тогда погибли Кшиж из Соуша и Шевчик из Лома?

Как не помнить, они всегда с нами! С нами их кровь, пролитая так же, как и та, что лилась и потом, во время забастовок, в тюрьмах, во время оккупации, под топором палача.

Они говорят; между ними нет различий; старые бойцы вспоминают, а вы, молодые, послушайте! И над всеми битвами, словно радужная арка, простерлась победа.

Между тем шахтер заметил, как президент вынул трубку, пальцем примял табак и зажег ее; спичка несколько раз вспыхнула и погасла; он выпустил дым и пальцами сжал трубку так крепко, как это делают все курильщики, радуясь, что могут спокойно покурить, радуясь своим мыслям и свободной минуте. Так курит и он; поглядите, как он напоминает шахтеров Клоучка, Штайница, Малечка — всех тех, кто после работы сходится побеседовать. Так набивает трубку Ионашек, собираясь рассказать, как прошла та демонстрация, в которой он участвовал; так держит трубку штейгер Мацек, когда хочет сказать что-либо о плане добычи; так дымит сначала на собрании Ворачек, а потом положит трубку на стол и скажет, какую, по его мнению, ошибку они допустили.

Теперь они заговорили о планировании, как им вначале не удавалось его наладить. Делегаты называют напамять цифры добычи. Может быть, президента это не интересует? — опасается шахтер. Как же не интересует, ведь он сам расспрашивает о добыче угля, сам подсчитывает, сам знает о ней.

Президент спросил о главнейших трудностях, с которыми столкнулся шахтер при переходе на ударную работу. И об этом надо рассказать? Ведь на шахте его просили, чтобы он... Но, товарищи, от президента ничего не следует скрывать, надо обсудить все вопросы. И шахтер рассказывает о своей ударной работе и пережитых трудностях, но ему кажется, что президенту все уже давно известно.

— Трудности мы предвидели, — сказал президент. — Людей нужно убеждать не только словами, но и делами. А ударник убеждает своим трудом.

Шахтер давно уже перестал чувствовать робость и, когда президент умолк, признался:

— Раньше, товарищ президент, я немного боялся тебя.

Тут он заметил, что президент улыбнулся; шахтер чуть-чуть покраснел. «Почему я перешел на «ты»? Все это оттого, что я вообще забыл, что нахожусь в Граде».

Он думает о том, как было бы хорошо, если бы президент приехал когда-нибудь к ним и его товарищи пережили бы все то, что испытывает сейчас он! Только не выйдет ничего: шахтеров много не только на севере. Есть они и в Остраве и в Кладно... Да и не только шахтеры! Разве в стране нет других ударников?! Их тысячи, и всем он нужен так же, как нам. В том-то и дело.

Всем он одинаково близок, и все они снова и снова вместе с ним вспоминают прошлое.

Все встают. Шахтеру даже не верится, что беседе конец. Президент прощается с ними, как с хорошими знакомыми, а когда он пожимает руку шахтеру, они обмениваются улыбками.

— Передай привет шахтерам своей шахты.

Шахтер кивает в знак согласия, он боится, что, если заговорит, то ему изменит голос. И он еще раз пожимает протянутую руку, как бы желая сохранить это рукопожатие для всех, кто потом подаст руку ему, для всех тех, кто, возможно, в эту минуту отбил кусок угля, выпрямился над лопатой, поднял голову над конвейером, опрокинул вагонетку и вспомнил: «Сейчас он как раз у президента!»

Затем они выходят, и шахтер старается повторить то, о чем они говорили у президента. «Уже домой? Невероятно!»

Они садятся в автомобиль и спускаются вниз, едут по извилистым улицам, а он все молчит. Все промелькнуло, как сон. Град остался вдали, на горе, и, проезжая по набережной, они видят дворец президента над Влтавой.

И шахтер, словно только что очнувшись, говорит:

— Президент близок тебе, как будто ты знаком с ним со дня рождения и часто встречаешь его, идя на работу. — И он гордо улыбается. — Это потому, что он тоже из рабочих!

Перевел с чешского
Георгий ШУБИН.

Президент Клемент Готвальд по случаю Дня шахтера принимает чехословацких горняков.



Это было в Златоусте

Златоуст. Красавица-гора Таганай окутана туманом. На склонах холмов видны старые поселки — Демидовка, Татарка, Бутыловка. Домики в них лепятся друг к другу, собираясь узенькими улочками к центру города. В саду играют дети, сооружают из рыхлого снега бабу.

За их счастье, за счастье их матерей и отцов на этой площади 50 лет назад была пролита кровь сынов русского рабочего класса. В Златоусте и сегодня встретишь живых свидетелей кровавых событий, свершившихся тут полвека назад.

...1903 год. 11 марта (по старому стилю) рабочие большого прокатного цеха Златоустовского завода — ныне завода имени Сталина — объявили, что не согласны с новыми, ухудшенными условиями найма.



Один из участников мартовских событий 1903 года, токарь Алексей Васильевич Баранов, работающий на заводе более полувека, со своей ученицей Раей Халиулиной.

Фото П. Душина.

Прекратив работу, прокатчики вышли на улицу, требуя изменения некоторых параграфов в расчетной книжке. Управляющий заводом приказал выделить для переговоров делегатов. Обманутые рабочие подчинились. А через час в городке стало известно: выборные арестованы.

В ответ на это забастовали рабочие всего завода. Около 3 тысяч человек направились к зданию тюрьмы.

В Златоуст по вызову Боклевского немедленно выехал уфимский губернатор Богданович.

13 (26) марта тысячи рабочих с женами и детьми пришли к губернатору. Они требовали выпустить из тюрьмы арестованных делегатов.

Губернатор не пожелал выслушать требование рабочих. Он приказал солдатам стрелять по безоружной толпе.

Через несколько дней златоустовские рабочие хоронили 69 своих товарищей. Похороны превратились в демонстрацию протеста против произвола царских властей.

В четвертом номере большевистской газеты «Искра» появились гневные статьи о расстреле рабочих Златоуста. В сентябре, еще до суда над арестованными, «Искра» выпустила посвященное златоустовскому делу специальное «Приложение», обличающее царизм.

8 января 1905 года товарищ Сталин в прокламации «Рабочие Кавказа, пора отомстить!» призывал отомстить за смерть товарищей, зверски убитых «царскими башибузуками» в ряде городов. Назван был и Златоуст. «Пора покончить с царским правительством и расчистить себе путь к социалистическим порядкам!» — писал товарищ Сталин.

...В эти дни молодежь Златоуста с особенным интересом рассматривает экспонаты городского краеведческого музея, один из отделов которого посвящен событиям 1903 года. А рядом фотографии, документы, рассказывающие о больших переменах, происшедших в городе и на заводе за минувшие полвека.

Строится, растет, хорошеет Златоуст. В городе построены великолепный Дворец культуры, театр, много школ, жилых домов и магазинов.

О. МАРКОВА

Из деревне
ГАУ КАН

Из путевых заметок «По Северу и Югу Китая».

Борис ЧИРКОВ

Дорога выбегает из Мукдена и постепенно оставляет за собой фабрики и заводы, воздвигнувшие свои высоченные трубы на окраинах. Позади остается густой, висящий над крышами домов дым.

Теперь, сколько ни видит глаз, всё степи да поля, лишь кое-где по холмам торчат невысокие сосенки. Солнце светит ярко с голубого неба и славно пригревает через стекло, но выйди из машины — и почувствуешь, что на дворе мороз, небольшой, но все же мороз.

Промелькнули старые деревянные резные ворота, за длинной кирпичной стеной — древний мавзолей одного из императоров Маньчжурской династии. Теперь дорога вьется по берегу реки и долго не хочет покидать ее: видно, вдвоем веселее путешествовать... Но вот река, видимо, натолкнувшись на крепкий утес, резко изгибается, поворачивая вправо, и сейчас же дорога, как бы обидевшись, убегает влево, в степь. Пересекши одинокую железнодорожную колею, машина минует невысокие глиняные заборы и сворачивает в деревенскую улочку. Это и есть деревня Гау Кан.

У первых же ворот нас встречает председатель сельскохозяйственного кооператива деревни Чжан Чан-фан, невысокий человек со значком отличника на черной ватной куртке. Подходит еще старик в халате, тоже со значком.

— Фын Гуи-жун,— называет его имя переводчик.

— А меня зовут Цао Ган, я председатель женского комитета деревни,— добавляет пожилая женщина, стоящая на ветру с непокрытой головой.

Молодые и старые крестьяне пожимают нам руки и гостеприимно распахивают двери небольшого одноэтажного строения из серого кирпича. Мы усаживаемся за столом в просторной комнате, предназначенной для собраний, и сейчас же приветливая девушка ставит перед каждым из нас чашку с китайским чаем.

— В Гау Кан живет восемьдесят пять семейств,— рассказывает председатель кооператива.— До освобождения четыре пятых всей земли принадлежало помещикам; их было восемь семейств. Теперь вся земля поделена равномерно между всеми, по два и семь десятых му на душу.

Товарищ Чжан помолчал мгновение. Потом, слегка улыбнувшись, добавил, что и бывшим помещикам дали землю по общей норме. Некоторые из них сбежали, но кое-кто и посейчас остается в деревне. Сельскохозяйственный кооператив крестьяне создали в прошлом году.

— Кто в него вошел? Да вся деревня! Мы не пустили в него только помещиков и кулаков. Мы завели сельскохозяйственные машины,— торжественно произносит Чжан Чан-фан и оглядывает нас.— А на будущий год у нас будет трактор!.. Два человека уже уехали в город учиться на трактористов...

Как мы жили прежде? — повторяет он наш вопрос.— Смотрите: вот мой сосед, бывший батрак,— председатель кивает головой в сторону рябоватого застенчивого крестьянина.— Раньше он за целый год работы не получал от помещиков и четверти того, что заработал в этом году в кооперативе.

Старик Фын Гуи-жун, все время внимательно слушающий, незаметно поправляет на груди свой значок отличника труда.

— Какие у нас планы на будущий год? — говорит между тем председатель. — Решили увеличить поголовье свиней и кур. Посадить виноградники...

— Как мы жили прежде и как живем теперь? — неожиданно прерывает его старый Фын Гуи-жун.— Я тридцать лет работал на помещика и ел траву. Вот что я ел. А после освобождения я получил землю. За три года вся моя жизнь переменилась. Я видел в кино...— он поглядел на председателя,— скажи, как?..

— «Кавалер Золотой звезды».

— Да, да! Помню. Мы хотим жить по вашему примеру. Советские специалисты приезжают к нам и учат нас, как надо работать, чтобы деревня жила в довольстве...

— Как жили раньше и как теперь? — откликнулась своим глубоким приятным голосом Цао Ган.— Мы плохо жили. Здесь у нас хозяевами были японцы. Зимой нам было холодно, не было теплой одежды. А голодны мы были круглый год. Нас освободила Советская Армия. Теперь стали хорошо есть, часто варим мясо, и вы видите: у каждого есть ватная куртка или халат. Прошу вас, поглядите наши ясли, школу; в ней учатся все наши дети, семьдесят один маленький человек. До освобождения учили детей только зажиточные люди... У женщин наших теперь те же права, что и у мужчин,— заканчивает она с гордостью.

Чжан Чан-фан говорит, улыбаясь и указывая на Цао Ган:

— Она у нас сама отличница учебы. За пятьдесят дней выучила тысячу пятьсот иероглифов и теперь сама читает газету и может писать.

Смущенная похвалой, Цао Ган тихо смеется.

Потом председатель ведет всех нас к одиноко стоящему новому дому, украшенному кумачовым полотнищем.

— Это наша лавка.

Вдоль стен стоят застекленные прилавки, и трое продавцов украдкой разглядывают нас, а мы оглядываем этот маленький универмаг. Выбор товаров довольно велик: обувь, ткани, парфюмерия, галантерея, прессованный жмых, целая полочка брошюр и книг.

Мы подходим к образцам тканей, висящим над прилавком, и указываем на образчики серой и черной материи.

— Что, эти пользуются наибольшим спросом?

Молоденькая продавщица, порозовев от удовольствия, отрицательно покачивает головой:

— Нет, больше эти! — И она указывает на цветные ткани.

Когда мы выходим, нам бросаются в глаза дома из серого кирпича, образующие целый переулок.

— После освобождения мы построили шестьдесят семь таких домов,— объясняют нам.— Теперь каждая крестьянская семья имеет комнату, а то и две, а раньше несколько семей жили в одной комнате.



В гостях у Чжао Хэн-юя.

...Ясли помещаются в отдельном домике. В светлой комнате вдоль стен устроена лежанка, обнесенная деревянным барьером и покрытая циновкой. Труба от печки проходит внутри лежанки и согревает ее. В яслях обитает все молодое племя деревни, ребятишки лет от полутора до четырех, одетые в пестрые курточки и штанишки.

Реакция малышей на наш приход была очень разнообразной: часть, поглядев, отвернулась от непрошенных гостей и занялась какими-то своими важными делами, несколько малышей заревело, а остальные принялись демонстрировать нам свои таланты. Понемногу вся компания заразилась примером более храбрых, и сводный хор яслей исполнил перед нами всю свою программу.

Краснощекие ребятишки с блестящими черными глазенками приседают, топают ножками, хлопают в ладошки, жестикулируют, поучая нас, пожилых людей, как надо себя вести, чтобы стать вполне приличным ребенком. Они поют и старательно показывают: вот так тихо мы ложимся спать, так хорошо мы завтракаем и обедаем, вот так моем руки перед едой. Поют не очень дружно, зато достаточно громко. А два мальчугана сладко спят себе в уголке, ничуть не потревоженные хором...

...У ворот школьного двора нас встречают ученики, застенчивые, как все деревенские ребята. Девочка, немного постарше других, в черной ватной куртке, с двумя косичками, видимо, самая храбрая во всей школе, подходит к нам и, протянув руку, говорит:

— Чжао Джун-сю, учительница.

Возрастом и костюмом она так похожа на своих воспитанников, что мы даже оглядываемся на председателя: не шутка ли это?

В школе два класса, и устроены они совсем как наши: парты, классные доски, кафедра для учителя. В довершение сходства на стене висит большая карта Волго-Донского канала.

Покуда мы всё осматриваем, учительница неотступно следует за одним из членов нашей делегации, автором сценария фильма «Сельская учительница», и смотрит на нее влюбленными глазами. Девушка говорит, что видела фильм «Сельская учительница» и он стал для нее не только самым любимым произведением искусства, но и руководством в жизни. Во всех важных и серьезных моментах своего бытия она мысленно советуется со своей любимой героиней... Чжао Джун-сю так волнуется, желая высказать сокровенные свои мысли, что у нее порозовели щеки.

А тем временем ребята окружили нас дружеским кольцом и так, всем скопом, отправились нас провожать.

Мы свернули в большой общественный двор. Шла молотьба, и облако пыли стояло над током. В огромных круглых плетеных корзинах-закромах сложен был урожай кукурузы этого года. Работа шла полным ходом, с треском летели на землю желтые зерна кукурузы, и, мягко шурша, падали серые пустые кочерыжки. При нашем появлении женщины, работавшие на току, как по команде, перестали вертеть рукоятки машин, напоминающих большие мясорубки. Мягко и застенчиво улыбаясь, они по очереди протя-



На строительстве плотины водохранилища идут последние работы.

Фото Хр. Ковачева.

В глубоком ущелье, меж высоких северных склонов гор Стара-Планины, катит свои воды река Росица. Она опоясывает серебряной лентой разрушенную временем старинную римскую крепость. Еще сохранились в этих местах остатки древних дворцов и крепостных рвов, и любители-туристы здесь находят позеленевшие монеты с изображениями византийских императоров. На месте же росших по склонам роскошных парков и садов можно встретить лишь редкие кусты.

У подножья крепости, там, где река делает резкий поворот, взгляд путника останавливается на иной картине. Два года тому назад здесь находилось село Горско Косово. Сейчас только груды камня напоминают о тесных избушках, да торчащие колышки очерчивают прежние дворики крестьян. Обитатели села жили в вечном страхе перед капризной рекой и веками боролись с ее буйными водами, ограждая высокими плетнями свои крошечные дворы. Росица, гневная и страшная, разливаясь, смывала на своем пути все. Придавленные нищетой, крестьяне Горско Косово не знали ни спокойствия, ни радости.

Теперь на левом берегу реки, ниже по течению, выросло новое село. Белые, веселые домики в национальном болгарском стиле рассыпались по склонам. Мастера-плотники украсили их фасады искусной кружевной резьбой. В каждом доме электрический свет, в каждом дворе журчит вода. Сверху дома кажутся игрушечными: все они похожи друг на друга, словно сестры в одинаковых нарядах. И только разнятся сады вокруг них.

Мощные взрывы потрясают сегодня горы напротив села и разносят вокруг глухой рокот. Молодые рабочие с раскрасневшимися от ветра лицами откалывают каменные глыбы. Огромный экскаватор простер свою железную лапу и выбирает мощным ковшом землю. А меж двух высоких холмов, где совсем еще недавно дико неслась Росица, укрощенные воды реки пущены в железобетонный туннель. Над ним величественно поднялась плотина водохранилища.

Это строительство — выражение дружбы двух народов: народов Болгарии и Советского Союза.

В начале 1948 года сюда приехали советские инженеры. Они внимательно ознакомились с проектами и исследовали грунт. Строительство водохранилища проектировалось давно, в 1942 году было даже начато, однако алчная немецкая фирма, которая вела работы, не спешила со стройкой. К тому же и предварительные исследования грунта, произведенные с подлинно коммерческой поспешностью, оказались недоброкачественными.

Советские инженеры предложили строить плотину нового типа из материала, более пластичного и более пригодного для этих мест. С их помощью болгарские инженеры Атанасов, Алексиев, Тенев и другие создали новый проект. И сразу же закипела работа. Началась героическая битва за покорение буйной реки, за то, чтобы впрячь ее силу в великую работу строительства социализма в Болгарии.

Трудностей встретилось на пути строителей немало. Не раз пыталась Росица смести возводимые сооружения, но строители упорно, шаг за шагом обуздывали ее воды, направляли их в железобетонный туннель, укладывали под ее руслом фундамент будущей плотины.

Сегодня здесь продолжают трудиться сотни строителей. По мере того, как росло, формировалось и вздымалось ввысь тело плотины, росли и преображались люди. Много молодых рабочих-отличников вступило за время стройки в ряды Болгарской коммунистической партии.

Ходишь по строительству и на каждом шагу ощущаешь творческую целеустремленность всего трудового коллектива. Сейчас все усилия направлены на то, чтобы завершить стройку и сдать объект в текущем году в эксплуатацию. На всех участках кипит работа. Ловко управляет рычагами молодой экскаваторщик Йордан Владимиров. Он регулярно выполняет свои дневные задания на 130—140 процентов и вместе со своими друзьями, Андреем Николовым и Мичо Дулевым, вынимает ежедневно сотни кубических метров породы.

В дождь и в стужу работают бурильщики и бетонщики. Велика и ответственна их задача. От их работы зависит, чтобы плотина устояла против бешеного напора водной стихии. Молодой бурильщик Илия Йозов выполняет норму в среднем на 200 процентов, а иногда его выработка подымается до 700 процентов. Таких же высоких показателей достиг и сменный мастер Иван Влайков.

Целыми днями снуют по строительству составы вагонеток с мотодрезинами. Они вывозят камни из карьеров, доставляют на объекты материалы. Молодые машинисты Марин Недялков и Никола Иванов знают: чем больше стройматериалов перевезут они, тем скорее вырастет величественная плотина.

В нынешнем году строители водохранилища Росица преподнесут родине большой подарок. Воды огромного восемнадцатикилометрового озера потекут по оросительным каналам и отдадут свою живительную влагу 35 тысячам гектаров земли. Будут склоняться под тяжестью плодов деревья в садах, нальются соками янтарные гроздья винограда. Богаче и радостней станет жизнь людей в этом краю. Вечерами будут скользить по озеру лодки, и глубоко под ними, на самом дне озера, останется то место, где еще недавно находилось маленькое село с покосившимися домишками. А наверху, на полуострове, на месте древней римской крепости, словно птицы, забелеют примостившиеся к склонам здравницы, где будут отдыхать трудящиеся. И долго будут звучать здесь веселые, бодрые песни. В этих песнях счастливая болгарская молодежь будет славить великого Сталина — лучшего друга и учителя болгарского народа.

ВЕСЕЛИНА МАРКОВА

гивали нам жесткие свои ладони. Мы сказали, что привезли привет из Москвы. Женщины зааплодировали, и Цао Ган сказала:

— Мы всегда помним, что Советская Армия освободила наш край от японцев и благодаря вам крестьяне стали жить, как люди!

...Председателю не терпелось показать нам гордость кооператива — его сельскохозяйственные машины. Плуги, жатки, сеялки были аккуратно расставлены в каменном сарае, специально для этого построенном. Провожавшие нас крестьяне, показывая нам свой новый инвентарь, как бы невзначай прикасались рукой к машинам.

— Молотилка из Советского Союза, раньше у нас таких не было!..

Визит наш затянулся, и, выходя из сарая, мы поглядели вокруг, ища глазами свою машину. В эту минуту к нам подошел старик в черном ватном халате и войлочной шапке. В левой руке он держал длинную трубку с маленькой медной чашечкой на конце, а правой коснулся одежды нашего переводчика и тихо что-то сказал ему. Затем, обратив к нам лицо с глубокими морщинами на лбу и у рта и с редкой седеющей бородкой, он стал ждать.

— Он просит, чтобы вы зашли к нему в дом. Он хочет угостить вас.

Мы благодарим за внимание, но убеждаем его не беспокоиться из-за нас, говорим, что нам, к сожалению, надо торопиться.

Старик выслушал все это спокойно, как бы присутствуя при обязательной церемонии, после которой все будет так, как он хочет. Уступая этому теплому, но непреклонному проявлению гостеприимства, мы отправились в гости.

У порога большого кирпичного дома нас встретили приветливые хозяйки. Высокая, просторная комната обогревается по той же системе, что и ясли. В изголовье лежанки — кана — стопкой сложены ватные одеяла и стоят сундуки с имуществом.

Мы узнаем, что старика зовут Чжао Хэн-юй, что до освобождения он арендовал у помещика фанзу — маленькую глиняную хижину — и у него же работал батраком.

Чжао Хэн-юй отложил в сторону свой кисет с трубочкой. Глядя на нас, он заговорил строго и вдохновенно:

— Мы потому пригласили вас в свой дом и приготовили для вас пельмени, что вы люди Советского Союза. Есть старая поговорка: «Когда пьют воду из колодца, то помнят тех, кто его построил». Мы всегда помним советских людей...

Теперь нам, крестьянам,— продолжал старик,— очень хорошо, а когда мы жили под гоминдановцами, нас обижали, сильно обижали. Я хорошо знаю, что такое горе и что такое счастье. Вот, смотрите, у меня трясется голова, это оттого, что меня били гоминдановцы. Так били, что я падал на землю и не мог встать. А за все эти три года меня никто не ударил, никто даже не выругал...

Чжао Хэн-юй быстро заморгал покрасневшими веками и стал угощать нас горячими пельменями, которые принесли женщины.

— Прошу вас, кушайте, я боюсь, что вы останетесь голодными.

Он заботливо накладывал нам дымящееся кушанье, подвигал сою. И когда мы, вооружившись палочками, принялись за вкусную еду, все хозяева довольно заулыбались.

Провожать нас собралась вся деревня. Приветствия и пожелания сыпались со всех сторон. Рукопожатия затянулись на несколько минут.

И вот машина снова бежит вдоль скошенных полей. Мы молча глядим в окна и поглаживаем тяжелые початки кукурузы с твердыми, как будто лакированными зернами — подарок Чжао Хэн-юя при расставании.



В воскресное утро на станции Зеленогорск.

В СЕВЕРНОЙ  ЗДРАВНИЦЕ

К. ЧЕРЕВКОВ, С. ОСИПОВ

Вдоль Финского залива широкой полосой тянется Приморское шоссе. Вот оно рассекает стоящие по обе стороны своеобразные колоннады с надписью «Курортный район города Ленинграда», и дальше местность становится все живописнее. Мелькают покрытые заснеженным лесом гряды холмов, привлекательные поселки. Мы едем по новому району Ленинграда, недавно созданному на испепеленной войной земле Карельского перешейка.

По берегу залива и у подножья холмов раскинулись сорок шесть санаториев и домов отдыха, туристские базы, пионерские лагери, дачи для дошкольников. Около двухсот миллионов рублей израсходовано на благоустройство Курортного района. Из центра Ленинграда в эти места теперь так же легко попасть, как и в любой отдаленный район города. Регулярно курсируют автобусы, по недавно проложенной магистрали мчатся электропоезда.

Автобус дома отдыха «Ленинградец» доставил курортников из Зеленогорска в лес, к излюбленным местам лыжных прогулок.



На зеркальной глади катка.

...Финляндский вокзал. Летом отсюда ежедневно, особенно в воскресные дни, в курортную зону отправляются тысячи ленинградцев. Признаться, мы были удивлены, когда почти ту же картину увидели мартовским утром: на платформах было многолюдно, через короткие интервалы один за другим отходили электропоезда.

Большинство пассажиров едет до Зеленогорска, это центр Курортного района. В нынешний воскресный день сюда приехало много лыжников — студентов, рабочей молодежи. Последуем за ними.

Пройдя через новое здание вокзала, мы оказались на просторной асфальтированной площади.

Проспект имени Ленина ведет к Приморскому шоссе. По обе стороны от него сквозь запорошенные снегом деревья виднеются светлые здания домов отдыха и санаториев.

Дом отдыха «Ленинградец». Его хозяева — машиностроители, создатели текстильных, бумагоделательных, полиграфических машин, мощных экскаваторов, точнейших приборов — всего, чем славится ленинградская промышленность. Сейчас здесь много молодых рабочих с заводов имени Карла Маркса и имени Второй пятилетки. С утра на автобусе они отправились из Зеленогорска в лес, к излюбленным местам лыжных прогулок.

У самого взморья раскинулись корпуса «Северной Ривьеры». Пробиваясь через морозную дымку, светит солнце. С залива дует свежий ветер. Мороз крепкий, а гуляющих курортников много. Легко дышится на побережье!

От Зеленогорска по шоссе автобусы идут в различные уголки Курортного района. Вот Комарово — поселок, названный так по

Длинной цепочкой, прокладывая лыжню по нехоженому снегу, растянулись спортсмены.

В столовой дома отдыха «Строитель».





Скоро станет темно, а неугомонные лыжники все еще не покидают заснеженных холмов.

имени выдающегося русского ученого-ботаника, покойного президента Академии наук СССР. В уютных дачах проводят свободные дни ученые. В лесной гуще расположились дома творчества писателей, композиторов.

По соседству — Репино, чудесный уголок Карельского перешейка. Здесь, в своих знаменитых «Пенатах», жил и творил великий русский художник И. Е. Репин.

Именем Репина названа и одна из крупнейших здравниц в поселке. Недалеко от нее расположились дома отдыха «Балтиец», «Кондитер», «Связист», «Торфяник», «Учитель», «Обувщик», «Строитель». Названия красноречиво говорят о том, кто отдыхает в Репине.

...Поселок Молодежное. На берегу, точно выпиленная из одного огромного дерева, стоит украшенная резьбой здравница трудовых резервов. Сюда на отдых приезжают учащиеся школ ФЗО и ремесленных училищ не только из Ленинграда, но и с Урала, из Сибири и Белоруссии.

Приятно после завтрака выйти на зеркальную гладь катка, где, обгоняя друг друга, мчатся по ледяному полю конькобежцы.

Почти весь день молодежь на воздухе. А вечером юноши и девушки заполняют гостиную здравницы. За пианино усаживается Фаня Терешко, ученица 5-го Ленинградского ремесленного училища.

За окном крепчает холодный ветер с залива, а в гостиной звучит задорная молодежная песня.

В поселке, носящем имя Героя Советского Союза ефрейтора Ушкова, начинается детская зона курорта. Здесь мы встретили маленьких курортников — дошкольников. В теплых дачах проводят зимнее время дети рабочих и служащих заводов и фабрик Ленинграда. В Ушкове, где уже сейчас одиннадцать детских санаториев, развертывается строительство «Северного Артека».

...Быстро, незаметно проходит день на курорте. По-разному отдыхают тут. Вон едет по шоссе автобус: большая группа направляется на экскурсию к историческому шалашу на берегу озера Разлив, где в 1917 году скрывался от ищеек буржуазного правительства В. И. Ленин. Автобус обгоняет рыбаков: любители подледного лова идут к Щучьему озеру. В длинную цепочку, прокладывая лыжню по нехоженому снегу, растянулись спортсмены. В лесу по узкой тропе неторопливо шагают отдыхающие. Они вышли на прогулку — подышать морозным воздухом, насыщенным ароматом хвои.

К полудню из разных концов возвращаются в дома отдыха и санатории тысячи курортников. Час обеда. На отсутствие аппетита никто не жалуется.

Наступает вечер. В клубах, концертных залах, гостиных выступают коллективы художественной самодеятельности, артисты ленинградских театров.

Хорошо в северной здравнице!

В гостиной дома отдыха учащихся школ ФЗО и ремесленных училищ.

ПОСЛЕДНИЕ СТАРТЫ

Кончается спортивная зима. Спортсмены показали хорошую спортивную форму, хорошие результаты, вышли победителями в международных встречах.

◆ Три недели назад в Вене и в курортном городке Земмеринге проходили традиционные, десятые по счету зимние студенческие игры. В них принимали участие спортсмены 17 стран, в том числе делегация Советского Союза.

Студенты состязались в лыжной гонке, в хоккее, в скоростном беге на коньках, в фигурном катанье, в слаломе и в других видах спорта.

Советские спортсмены показали отличные результаты и вышли на первое место. Они получили 33 золотых, 15 серебряных и 13 бронзовых медалей.

Большой успех выпал на долю конькобежцев. Тамара Рылова и Нина Авдонина завоевали по две золотых медали. Победителями среди мужчин вышли П. Беляев, Б. Цыбин и братья Анатолий и Павел Павловы.

Среди лыжников первенствовал Ф. Терентьев, а среди лыжниц — Л. Козырева.

Советский хоккейный коллектив обыграл польскую команду со счетом 15 : 0 и сильную команду Чехословакии с результатом 8 : 1. Несмотря на острую борьбу, состязания проходили в обстановке дружбы и товарищеской солидарности.

◆ Закончились игры на хоккейных полях. Первенство Советского Союза по русскому хоккею проходило в упорной борьбе. Чемпионом страны стал дружный коллектив Свердловского дома офицера.

Одновременно с розыгрышем первенства проходили игры на «Кубок СССР». В нем принимали участие тысячи команд. В решающем соревновании встретились сильнейшие клубы страны: «Динамо» (Москва) и Свердловского дома офицеров. Первая их встреча не принесла победы ни той ни другой команде (1 : 1). Напряженно прошла вторая встреча этих коллективов. Победили динамовцы со счетом 2 : 1.

Недавно закончился розыгрыш «Кубка СССР» по хоккею с шайбой. К финалу пришли две команды: Центрального дома Советской Армии и столичного «Динамо».

Финальная встреча закончилась победой команды «Динамо» (Москва) со счетом 3:2.

◆ Под Свердловском, на Уктусских горах, состоялись лыжные гонки на первенство страны. Среди мужчин в скоростном беге на 18 километров победил ленинградец В. Кузин. Гонку на 30 километров выиграл заслуженный мастер спорта М. Протасов (Москва), а на 50 километров — Анатолий Борин (Свердловск).

У женщин победительницей в беге на 5 и 10 километров вышла Л. Козырева (Ленинград).

◆ В Москве, на Ленинских горах, открылся новый трамплин для прыжков на лыжах. В середине марта на нем были проведены всесоюзные состязания. Победителем в прыжках оказался москвич Ю. Скворцов. Двоеборье — бег на 18 километров и прыжки с трамплина — выиграл В. Осинцев.

◆ В Кирове прошли традиционные соревнования по скоростному бегу на коньках на приз имени С. М. Кирова.

Среди женщин победу одержала Римма Жукова, — она пришла первой в беге на 1 000 и 3 000 метров. В заключительной дистанции на 5 000 метров Жукова встретилась с чемпионкой мира Х. Щеголеевой. И этот бег выиграла Жукова, опередив свою соперницу на 19 секунд.

У мужчин первое место занял чемпион мира Олег Гончаренко.



Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Литовской ССР, заведующая свинофермой колхоза «Первое Мая», Шяуляйской области, Стася Виткене.

Фото А. Гостева.



Знатная прядильщица Китайской Народной Республики Ян Лань-хуа, участница Конгресса народов в защиту мира в Вене.

Фото Е. Умнова и А. Узляна.

СОВЕТСКАЯ АРФА

Жизнь в этом цехе начинается своеобразно. С утра сюда приезжают студенты консерватории, доцент Е. Синицына, солистка Ленинградской филармонии Н. Толстая. Это не гости. Они участвуют в создании сложного музыкального инструмента — арфы.

Дело это требует долгого и кропотливого труда. Даже после того, как закончено склеивание деталей, натянуты струны и арфа уже украшена художественным орнаментом, она все еще не готова: ее нужно умело настроить и опробовать.

Здесь же, в цехе, музыканты исполняют произведения Чайковского, Рахманинова, Верди, внимательно вслушиваются в звучание каждой ноты. У артистов и производственников одни интересы: наладить серийный выпуск советских арф, самых лучших в мире.

Конструктор арфы — Алексей Алексеевич Каплюк. Мысль о создании арфы зародилась у него давно, когда он был еще студентом Московского музыкального училища имени Ипполитова-Иванова. Большие трудности встретились на пути А. А. Каплюка. В те годы у нас в стране и за рубежом насчитывалось лишь несколько сотен арф. Все они были изготовлены кустарным способом. А он поставил перед собой задачу — создать арфу для серийного выпуска. Эта работа не была закончена: Алексей Алексеевич уехал на фронт.

В 1945 году Каплюк получил возможность продолжить начатое дело. Ему помогала известная арфистка Вера Дулова. В творческом содружестве конструктора и актрисы была создана советская арфа. Вслед за тем началась организация массового производства этого инструмента.

В Ленинграде на музыкальной фабрике имени Луначарского был пущен арфный цех. Арфа конструкции Алексея Каплюка и артистки Веры Дуловой послужила образцом для серийного производства. Это был инструмент с сорока шестью струнами на вертикальной раме и механизмом из семи педалей двойного действия. Правда, на первых порах арфу изготовляли полукустарным способом, затрачивая на производство одного инструмента около месяца.

Надо было перестроить всю работу цеха, механизировать весь процесс производства. Каплюка поддержали его новые друзья — рабочие. Столяр-краснодеревщик В. С. Плотников сконструировал специальные винтовые приспособления. За одним новшеством последовали другие. Фигурные детали начали изготовлять на фрезерных станках.

Теперь на выпуск инструмента затрачивается в три раза меньше времени, стоимость арфы вдвое снизилась. А самое главное — обеспечено высокое качество.

Советские арфы были представлены на выставках в Лейпциге и Пловдиве. Сейчас фабрика изготовляет арфы для Китая и Румынии.

Т. ЗАЙЦЕВА



Конструктор А. А. Каплюк (слева) и столяр В. С. Плотников осматривают готовую арфу.



Соседи на десять суток

Рассказ

РЫТХЭУ

Рисунки П. Пинкисевича.

Я проснулся на рассвете и, чуть отведя рукой занавеску, посмотрел в окно: за ним мелькали фермы моста. Может быть, именно от этого я и проснулся — от того, что сразу переменился характер шума. Когда поезд идет по мосту, колеса стучат не так, как обычно.

Река текла тихо, спокойно. Кажется, это была Вятка. Впрочем, это могла быть и другая какая-нибудь река — точно я не знал, а спросить было не у кого. Гэутэгин лежал, укрывшись одной простыней, и мирно спал; одеяло, сбившееся к ногам, наполовину свисало и колыхалось в такт покачиванию вагона. Чета, занимавшая нижние полки, тоже спала.

За окном мелькали металлические фермы моста, а за ними виднелась вода, отражавшая утреннее небо. Я лежал на животе и любовался золотисто-розовыми облаками, отраженными в спокойной воде.

Потом реки уже не было видно, а мы все еще ехали по мосту. Длина его была гораздо больше, чем ширина реки, раза в два, по крайней мере. «Наверно,— подумал я,— это сделано с расчетом на весеннее половодье».

Наконец кончился и мост. Проплыла за окном березовая рощица, потом огороды, несколько домиков, переезд. Шлагбаум был опущен, перед ним стояли три грузовика, «Победа» и два велосипедиста. Грузовики везли, видимо, хлеб нового урожая: в кузовах стояли мешки, а к бортам были прикреплены кумачовые полотнища с лозунгами, которые я не успел прочитать. Один из велосипедистов спешился, ожидая, пока пройдет поезд, а другой оставался в седле, держась рукой за борт грузовика и беседуя с девушкой, сидевшей наверху, на мешках. После переезда опять проплывали за окном огороды, домишки — теперь все это двигалось медленнее: поезд замедлял ход.

Мы остановились на какой-то станции, названия которой я не мог прочесть, потому что наш вагон был одним из последних; мне было видно только одноэтажное кирпичное здание с надписью «Багажная контора». Я решил, что прочту название, когда поезд снова тронется и наш вагон поровняется со зданием вокзала.

Пока что я повернулся на бок, закрыл глаза и стал думать о рассказе, начатом еще за неделю до отъезда. Потом я задремал, а когда снова открыл глаза, оказалось, что уже десять часов, что я проспал все утро.

Занавески были отдернуты, в окно ярко светило солнце. Постель Гэутэгина была аккуратно убрана, а сам он сидел внизу и беседовал с нашими соседями по купе.

Соседи с трудом говорили по-русски; мы заметили это еще вчера при посадке. Мы с Гэутэгином и со всей компанией, которая нас провожала, явились на вокзал за полчаса до отхода поезда. Бросив чемоданы на свои полки, мы вернулись на перрон и стояли там, разговаривали с друзьями. Вагон постепенно заполнялся. К проводнице подошла пара — мужчина лет пятидесяти и женщина лет сорока, очень миловидная. Протягивая билеты, мужчина спросил:

— Жесткий, купированный?

— Да, да, купированный,— ответила проводница.— Проходите, пожалуйста. Ваши места в третьем купе.

В произношении этого пассажира, в покрое его костюма, в светлосером дорожном плаще его спутницы, в пестрых наклейках на чемодане, который нес за ними носильщик,— во всем этом чувствовалось что-то непривычное.



— Иностранцы, наверно,— сказал Гэутэгин.

Друзья, которые провожали нас в Москве, в тот же день приехали вместе с нами из Ленинграда. Это были наши товарищи по университету. Они должны были проходить практику где-то в Подмосковье.

Мы разговаривали на перроне до самого отхода, потом, стоя уже на площадке, что-то кричали провожающим, потом, когда поезд пошел быстрее, махали им шляпами. И мы совсем забыли об этой паре с пестрым чемоданом до тех пор, пока не вернулись на свои места. Оказалось, что мы едем в одном купе, что они наши соседи до самого Хабаровска.

Гэутэгин не ошибся: это были иностранные туристы. Он филолог, профессор из Льежа, она его жена, художница. Она говорила порусски с ошибками, он — немного лучше, но слишком старательно, с нерусским произношением. Он тоже нередко ошибался, но зато с нескрываемым удовольствием поправлял жену.

Узнав, что мы с Гэутэгином — чукчи, что мы учимся в Ленинграде, а сейчас едем на Чукотку, они почему-то были очень поражены. Они разговаривали с нами примерно так, как разговаривали бы, вероятно, с марсианами, собирающимися в обратный путь на Марс.

Впрочем, они были очень тактичны, старались не проявлять слишком назойливого любопытства.

У профессора были добрые и умные глаза, хорошая улыбка; и он и его жена держались просто, непринужденно. В общем они нам понравились. Но почти в каждом их взгляде, почти в каждом вопросе чувствовалось всетаки изумление, смешанное с недоверием. Сначала нас это забавляло, потом стало надоедать, и мы ушли в вагон-ресторан. Когда вернулись, наши соседи уже спали.

А теперь наступил новый день, и внизу снова шел разговор. И опять, конечно, о том же — о народах Крайнего Севера, о их «таком своеобразном быте», о их «таком удивительном характере», об «очаровательном примитивизме их искусства»... Я притворился, что все еще сплю.

— Наш интерес,— говорил профессор,— наверно, кажется вам слишком наивным и даже... Как? Ну... слишком настойчивым, да? Не сердитесь, для нас... это... Как это сказать?.. Очень счастливая встреча. Мы оба с восторгом читали этот роман о Чукотке... Как это?

— «Алитет уходит в горы»? — подсказал Гэутэгин.

— Да, да, «Алитет». Мерси. И вообще мы так... Нас так это интересует! Жена имеет целую коллекцию... Такие фигурки, знаете? Олени, моржи, белые медведи. И потом — на таких длинных санках, да?

— На нартах?

— На таких нартах, да, да. Для нас это все — почти сказка. За Полярным кругом! Брр! И вдруг эта встреча. Мы в первый раз видим настоящих, живых чукчей.

Профессор засмеялся, его жена — тоже. Гэутэгина мне не было видно: он сидел под моей полкой. Он сказал:

— Что вы! Я нисколько не сержусь. Наоборот, мне очень приятен ваш интерес. У нас интересного немало... И, признаться... Признаться,— добавил он в тон профессору,— я тоже никогда в жизни не встречал настоящих, живых бельгийцев.

— О! — воскликнула жена профессора.— Я не зналь... я не знала, что чукчи имеют такую насмешность...

— Насмешливость, Клодин,— поправил муж.

— Да, такую насмешливость и такую... Как это?.. Живучесть!

— Живость,— снова поправил он.

— Да, да, такую живность!

— К сожалению, я не могу принять ваш комплимент, мадам. Ваше прежнее мнение было вернее. Мы не обладаем ни живостью южан, ни их юмором. Вместо крови в нашем теле течет холодная вода, а питаемся мы исключительно мороженым.

— Не смейтесь над нами, мсье Гэутэгин. Вы разве отрицаете всякие особенности национального характера?

— Вовсе нет, мсье Леерлинк. Мы отрицаем только то, что эти особенности определяются географией. Кроме того мы не считаем эти особенности неизменными. Существуют условия, в которых народы, даже считавшиеся... так считали не наши... не советские ученые... так вот, даже народы, считавшиеся обреченными на вымирание, становятся сильными и жизнерадостными. В определенных условиях!

— Кажется, из области этнографии вы хотите перейти в область политики?

— А вы предпочитаете блуждать в этнографии, лишь бы не касаться политики?

Я решил прекратить этот спор и сказал, делая вид, будто только что проснулся:

— Доброе утро!

Бельгийцы тоже пожелали мне доброго утра, а Гэутэгин со свойственной ему педантичностью сказал:

— Добрый день!

Вскоре бельгийцы под каким-то предлогом вышли в коридор. Видимо, чтобы мне не пришлось одеваться, лежа под одеялом. Я соскочил с полки и спросил:

— Как вы себя чувствуете, мсье Гэутэгин?

— Неважно. Приблизительно так должна чувствовать себя восковая кукла, выставленная в этнографическом музее.

— Если бы музейная кукла обладала способностью чувствовать, она, по-моему, должна была бы гордиться. Гордиться вниманием посетителей, возможностью пополнить их знания. Кроме того куклы, кажется, не вступают с посетителями в споры.

— А что, разве я был резок? — встревожился Гэутэгин.— Мне, понимаешь, совсем не хочется их обижать. Очень, по-моему, славные старики.

— Ну, ну! Клодин-то, положим, далеко еще не старушка.

— Да и Морис еще молодец.

— Его Морисом звать?

— Да. Вполне, по-моему, приятные соседи. Если бы только они не смотрели на нас, как на какую-то диковину. У меня, понимаешь, такое ощущение, будто им все время хочется потрогать нас руками, проверить, действительно ли мы существуем. Для них, понимаешь, чукчи — это что-то невсамделишное, какая-то заполярная экзотика, что ли. О чем бы они с тобой ни говорили, они ни на секунду не могут забыть, что ты чукча. И им, видимо, очень жаль, что на нас не оленьи шкуры, а заурядные пиджаки.

— Ну и пусть. Надо быть немного терпимее, дорогой мой. Надо все-таки учитывать, откуда они приехали.

— Я все это учитываю,— вздохнул Гэутэгин.— Я вижу, что ближайшие десять суток придется посвятить этому профессору и его супруге.

— Послушай,— малодушно предложил я, — может, попросим проводницу переселить нас в соседнее купе? Там, кажется, должны освободиться два места, двое только до Свердловска едут.

— Это было бы негостеприимно.

— Нет, что ты, я вовсе не предлагаю сбежать! Наоборот, скажем, что не хотим стеснять их.

— Шито белыми нитками. Ведь вместо нас к ним посадят других. Нет, надо помнить, что мы здесь хозяева. Это, как-никак, обязывает нас. В вагоне мы равноправные пассажиры, а в стране, так сказать, в целом... Понимаешь? Гости есть гости. Тем более, что гости, в конце концов, очень милые.

— Хорошо,— согласился я,— снимаю свое предложение.

И, перекинув через плечо полотенце, я пошел умываться.

Дни потянулись один за другим. Молотов, Свердловск, Омск, Новосибирск... Равнина сменилась горами; потом горы сменились низинами, заболоченными кустарниками. Мы пересекали Западно-Сибирскую низменность.

Соседей наших живо интересовало все: и граница между Европой и Азией, и система поясного времени, и ехавшая в соседнем вагоне пожилая колхозница — Герой Социалистического Труда, и проблема поворота сибирских рек. Мы рассказывали им все, что могли, знакомили их с колхозницей, показывали на карте, каким образом воды Иртыша можно повернуть на юг, к пескам Казахстана. Профессор Леерлинк и его супруга были внимательными, непредубежденными слушателями. Их поражали масштабы страны. «Для Бельгии,— шутил профессор,— не требуется никаких часовых поясов». Еще больше их поражали грандиозные масштабы стройки, великие планы преобразования природы.

Нам было приятно знакомить их с успехами Советской страны. Тем более, что профессор вел путевой дневник и собирался опубликовать его по возвращении в Бельгию.

Единственно, что нас очень стесняло,— это то, что мы были сами предметом постоянного изучения. Профессор Леерлинк с интересом расспрашивал о Чукотке, выслушивал наши рассказы и потом задумчиво говорил что-нибудь в таком роде:

— Я думаю, что домики вместо яранг, электричество вместо этих... Как это?.. Вместо этих жирников... Все это, конечно, есть прогресс, большой прогресс. Но при этом Север теряет своеобразие, свою поэтичность. Не так ли?

В такие моменты я смотрел на него, удивляясь, что его глаза попрежнему кажутся умными. А Гэутэгин говорил:

— Нет уж, спасибо. Мы как-нибудь без поэзии обойдемся.— И, помолчав, уточнил: — Без такой, во всяком случае.

Соседей наших огорчала и механизация рыбного лова и даже то, что в чукотских стойбищах давно уже нет шаманов. Не то, чтобы они были врагами прогресса,— нет, они искренне считали себя людьми передовых убеждений. Но... но просто мы, радующиеся тому, что страшной отсталости нашей пришел конец, казались им людьми, которые не в состоянии понять, «насколько цивилизация делает жизнь прозаичнее».

— Поймите, профессор,— говорил Гэутэгин, пробуя не горячиться,— та жизнь, от которой ушел наш народ, была для чукчей не жизнью, а медленной смертью. И даже не очень медленной, если быть точным. Вот почему мы так ненавидим отсталость. А что касается поэзии, мы видим ее в другом. Мы видим ее в борьбе с нашей суровой природой и с той же самой отсталостью, в возрождении нашего народа, в электричестве, освещающем чукотские поселки...

— Электричество и поэзия — это разные вещи, мсье Гэутэгин. Совсем разные.

— А для нас между этими разными вещами гораздо больше родства, чем между поэзией и старым чукотским бытом, будь он трижды проклят! Дело, видимо, в том, что все грехи капиталистической цивилизации, весь ее «прозаизм», как вы это называете, вы переносите... Словом, вы не учитываете, профессор, что мы строим совсем другую цивилизацию, не капиталистическую...

Это была как раз та тема, которой профессор старался не касаться. Но Гэутэгин, забыв о своем намерении не горячиться, продолжал:

— Есть два вида буржуазного национализма, два вида национального высокомерия. Первый — это открытое, сознательное высокомерие. К нему мы, кажется, относимся одинаково, не будем спорить о нем. Но есть и другой вид, подчас неосознанный. Человек считает себя другом всех народов, но любуется не тем, чем сильны малые народы, а тем, чем они слабы или были слабы, или даже тем, что о них выдумали...

Профессор с улыбкой поднял кверху руки, и спор закончился шуткой. Я попытался утешить соседей, сообщив им, что когда мы с Гэутэгином окончим университет и совсем вернемся на Чукотку, нам придется все-таки чаще пользоваться не прозаическим автомобилем, а поэтическими собаками.

Мы подъезжали к Красноярску. Я стоял в коридоре у окна, когда ко мне подошел Гэутэгин. Он спросил:

— Слушай, а почему эти бельгийцы говорят между собой по-французски?

— Потому что они с юга.

— Ну так что?

— Ну, а на юге Бельгии все говорят по-французски. Бельгийского языка вообще не существует.

— Ты уверен?

— Спроси у них самих, если не веришь. На юге говорят по-французски, а на севере по-фламандски.

— По-фламандски?

— Да. Это что-то вроде голландского.

— Но они говорили по-французски.

— Значит, они из южной Бельгии. Льеж — это, кажется, на юге.

— Я почти все понял. Они, видишь ли, говорили про нас. Даже неловко.

— Пусть им самим будет неловко. Мы ведь при них по-чукотски не разговариваем.

— Нет, я не про то. Я про то, как они восхищались.



— Неужели? Что ж они говорили? Удивлялись, что чукчи похожи на людей?

— Нет, на этот раз они, кажется, не делали никаких скидок на происхождение. Просто говорили, что мы славные ребята. Он даже сказал, что с радостью променял бы на нас многих из своих льежских студентов.

— Вот оно как?!

— Да. Что-то в этом роде, если только я правильно понял. У них произношение совсем не такое, как у нашей француженки. Послушай, что ты им рассказывал про северный факультет?

— Только то, что занимаюсь там. А что?

— Он, видишь ли, все-таки высказал такое предположение... Ну, что на северном будто бы пониженные требования. Понимаешь? «Наверно,— говорит,— там и программа специальная». Облегченная будто бы.

— А что ты ему сказал?

— Так ведь это они между собой говорили. Я ведь не говорил им, что понимаю.

— Да, да, я забыл. Удивительно, как это ты сдержался! Уж ты-то здесь совсем зря пострадал.

Дело в том, что Гэутэгин учился не на северном факультете. Он тогда кончал математический. А спутники наши, видимо, считали, что чукчам до настоящих факультетов не дотянуть, что для чукчей и других северян создан специальный факультет — полегче, доступнее.

В тот день мы не говорили на эту тему, а на следующий день я стал расспрашивать профессора о Льежском университете и попутно рассказал кое-что о Ленинградском. Рассказал, в частности, что на нашем факультете учатся не только представители народов Крайнего Севера, но и все интересующиеся северной филологией. Упомянул о том, что бывает и обратное: многие северяне учатся на других факультетах, если избирают другую специальность. Вот, например, Гэутэгин учится на математическом...

— О! — Профессор посмотрел на Гэутэгина с уважением. — Вы сразу выросли в моих глазах. Сам я всегда был очень слаб в математике. Это моя... Как это сказать?.. Это моя ахиллесова пятка... Ты слышишь, Клодин, мсье Гэутэгин, оказывается, математик. А ну-ка, мсье студент, показывайте ваш матрикул. Какие есть ваши успехи?

Это было, конечно, наполовину шуткой, но в то же время это было желанием проверить мои слова. Гэутэгин достал зачетную книжку, и профессор Леерлинк перелистал ее, восхищенно показывая жене растопыренную пятерню и повторяя: «Отлично! Отлично! Хорошо! Опять отлично!»

В тот же вечер мы разговорились о Хабаровске. Я вспомнил, что в Хабаровском музее есть несколько работ моего земляка, знаменитого костореза Гэмаугэ. Мадам Леерлинк стала записывать в свой блокнотик имя костореза, чтобы обязательно посмотреть его работы. Но она сбилась, записывая по-французски непривычное ей имя. А Гэутэгин, сидевший с ней рядом, заметил это и стал диктовать по буквам. Он называл каждую букву ее французским наименованием. Мадам Леерлинк записала, а потом тихо спросила:

— Значит, вы знаете французский?

— О, нет,— смутился Гэутэгин,— совсем слабо.

— Не надо так скромничать,— сказал профессор.— Я сам видел матрикул. Французский — отлично!

И он снова выразительно растопырил свою пятерню.

Жена его густо покраснела и улыбнулась, прикусив губу, чтоб не рассмеяться. Но она все-таки рассмеялась, и мы сделали то же самое, потому что всем было немного неловко.



Профессор присоединился к нам последним; вначале он никак не мог понять, почему мы смеемся. Зато потом он еще долго повторял: «Ай-ай-ай! Ведь мы говорили при вас так, как будто были только вдвоем!»

Байкал покорил наших соседей сказочной своей красотой. Да и сами мы, уже не в первый раз проезжавшие по его берегам, не могли оторваться от окон. Отроги гор, прорезанные бесконечными тоннелями, волны, играющие под легким ветром, парусные лодки среди волн, далекие горные хребты... Вода подступала к самой насыпи. На одной из станций молодой офицер, ехавший в соседнем купе, взял у проводницы ведро, сбежал с насыпи и зачерпнул байкальской воды. Весь вагон пил ее. То из одного, то из другого купе доносилась старая песня: «Славное море, священный Байкал...»

Профессор Леерлинк пил байкальскую воду, на станциях покупал у рыбаков-бурят копченых омулей, записывал в свой дневник текст песни о Байкале и, дойдя до упоминания о ветре «баргузине», спрашивал: «Кто такой Баргузин?» А жена его смотрела в окно и вздыхала: «Сюда бы на все лето приехать с мольбертом!»

Теперь Хабаровск был уже недалеко, наше совместное путешествие подходило к концу. Профессор попросил нас позировать его жене: им хотелось бы иметь на память об этом соседстве хотя бы карандашные портреты. Отказываться не было никаких оснований, а с другой стороны, немного коробила мысль о том, что попадешь в коллекцию диковинок. «Олени, знаете, моржи, чукчи»... Гэутэгин сказал:

— Пожалуйста. Но только при одном условии: если вы, в свою очередь, разрешите сфотографировать вас на память.

Он достал из чемодана свой «фэд» и на станции «Ерофей Павлович» сфотографировал их в пристанционном скверике.

Потом мадам Леерлинк рисовала нас. Минут на тридцать каждый из нас должен был превратиться в истукана. Пока я позировал, Гэутэгин изображал в лицах, как мадам Леерлинк будет показывать наши портреты своим



льежским знакомым, как будет сопровождать это рассказами о езде на оленях, об охоте на белых медведей...

— Но все наши друзья,— смеялась она,— все они знают, что мы не собирались за Полярный круг! Самая северная точка за весь наш маршрут есть Ленинград!

— Это неважно. Вы могли передумать. Вас могли уговорить двое молодых чукчей, с которыми вы познакомились в поезде Москва — Хабаровск. А потом один из этих чукчей подарил вам на память комнатную нерпу.

— Куда же я ее дела? Гости будут требовать, чтобы я показала ее.

— Скажете, что на обратном пути нерпа затосковала по Северу, заболела. Пришлось пристрелить ее и сделать меховую жилетку. А жилетку из нерпичьего меха вы можете приобрести в Хабаровске и показывать ее своим гостям. Только не забудьте спороть фабричную марку.

Гэутэгин, видимо, совсем уже привык к нашим соседям; он балагурил так, как будто был в студенческом общежитии, среди своих сокурсников. Он смешил нас, но если я начинал смеяться, мадам Леерлинк заявляла, что так у нее ничего не получится. Однако портреты получились, и довольно удачные, по-моему.

В последний день, уже перед самым Хабаровском, профессор и Гэутэгин не удержались и снова заспорили. На этот раз они не сошлись во взглядах на групповой брак. Профессор утверждал, что исчезновение этого обычая, существовавшего на Чукотке вплоть до установления советской власти, может носить только административный, только формальный характер.

— Перемены не происходят так быстро,— говорил он.— Особенно в такой области... Для этого надо... много поколений. Дети... Как это говорят?.. Дети падают недалеко от своей яблони. Надо, чтобы переменилось само понятие о любви. Это не совершается за такой срок. Я не могу верить. Можно запретить групповой брак, нельзя научить чувствовать.

Гэутэгин скромно заверял профессора, что чукчи и прежде «умели чувствовать», что понятие о любви на Чукотке такое же, как и в других местах. Он доказывал, что групповой брак отмер просто потому, что изменился весь общественный строй, а формы брака, как известно, тесно связаны со всей жизнью общества... Словом, он знакомил профессора с этими простыми истинами, а тот все твердил:

— Нет, нет. Такие вещи не меняются сразу. Не так быстро.

— Но кому же из нас это лучше известно, мсье профессор: вам, который никогда не бывал севернее Ленинграда, или все-таки нам, которые выросли на Чукотке и знают, что этот обычай исчез вместе со множеством других пережитков родового строя? Вы говорите, что это произошло слишком быстро? Еще бы! Уж такая счастливая судьба выпала нашему народу. Ведь в том-то здесь и дело, что мы шагнули в социализм прямо из первобытности, из темноты самой дикой жизни, минуя целые общественные формации, в том числе и ту, в которой... простите, все еще пребываете вы, мсье профессор!

Не знаю, чем кончился бы этот спор, если бы не вмешалась мадам. Она заявила, что ничего не понимает в таких вещах, как общественные формации, но поскольку речь шла о любви, она готова взять на себя роль судьи. «Только женщины,— сказала она,— знают, что такое любовь».

Она сказала, что обычай группового брака несовместим с настоящим чувством. Мы полностью согласились с ней. Тогда она заявила, что этот обычай существовал на Чукотке потому, что северяне вообще не знают настоящего чувства.

— Не надо сердиться на меня,— сказала она, мило улыбаясь,— не надо обижаться... Человек, который живет так далеко... Холодно, кругом лед... Он не может любить так пылко. Для этого нужно иметь другое сердце.

А поскольку Чукотка попрежнему находится на севере, то, по рассуждениям мадам, выходило, что «Морис прав: этот обычай нельзя уничтожить».

Такой вывод оказался неожиданным для самого профессора.

— Нет, Клодин,— сказал он,— я отказываюсь от такой поддержки. Север тут не при чем. Групповой брак существовал когда-то даже под тропиками. Я говорил совсем не об этом.

А Гэутэгин, почему-то очень довольный, сказал:

— Раз уж мужчин вы лишили права судить о любви, то я сошлюсь на свидетельство двух молодых женщин. Одна из них провожала моего товарища в Ленинграде, а другая будет встречать меня в Анадыре. Уверяю вас, мадам, что обе они не согласились бы с вашим мнением о чувствах северян.

Кажется, это был последний спор. Уже видны были темные волны Амура, некоторые пассажиры уже продвигались к выходу мимо нашего купе. Пришло время прощаться. Соседи наговорили нам кучу любезностей, вполне, кажется, чистосердечных. Мы отвечали им тем же. Прежде, чем запереть свой чемодан, я достал из него одну чукотскую книжку и подарил ее нашим спутникам. Это были стихи Пушкина в моем переводе. Соседи, кажется, остались очень довольны таким подарком.

— Я думаю,— сказал профессор,— что во всей Бельгии это будет первая книжка на чукотском языке.

— И с авторской надписью! — воскликнула его жена.

— Нет,— уточнил я,— только с надписью переводчика.

Мы с Гэутэгином взяли свои чемоданы, еще раз пожали руки соседям и вышли в коридор, пообещав прислать им носильщика. Когда, выполнив это обещание, мы шли по перрону, Гэутэгин сказал:

— Вот видишь! А ты еще хотел сбежать в другое купе. Помнишь?

— А ты уверен, что они поняли все, что ты пытался им объяснить за эти десять суток?

— Конечно, поняли! Если не все, то, во всяком случае, многое. И то хорошо. Ты сам говорил, что надо учитывать, откуда они приехали. Как-никак, их страна отстала от нашей на целую историческую эпоху.

В это время я снова увидел профессора с женой. Они садились в такси. Бельгийцы тоже увидели нас, и мы помахали друг другу руками.

Они поехали в гостиницу «Амур». На осмотр Хабаровска супруги Леерлинк собирались затратить три дня, после чего должны были самолетом вернуться в Москву, а из Москвы — к себе домой, в Льеж.

А мы сразу отправились в билетную кассу. Мы еще в Ленинграде взяли билеты до Владивостока, надо было прокомпостировать их. От Владивостока нам предстоял многодневный путь по Японскому, Охотскому и Берингову морям. Гэутэгин направлен был на практику в Анадырь, а я с какой-нибудь оказией должен был поехать из Анадыря еще севернее — на побережье Чукотского моря, в свой родной поселок, в знаменитый охотничий колхоз «Утро», туда, где живет мой отец, где живут и старый охотник Мэмыль, и резчик Гэмаугэ, и колхозный механик Кэлевги, и Инрын, и Кэнири, и Гэмалькот. Мысленно я был уже с ними. Мысленно я шел по колхозной улице, видел в открытом окне школы учительницу Валентину Алексеевну и свою черноглазую сестренку Туар, отвечавшую ей урок; в окне соседнего класса был виден мой старый приятель учитель Эйнэс, что-то писавший на доске, а у самого берега, там, где волны намывают гальку на влажный песок, трое молодых охотников — Унпэнэр, Ринтувги и еще кто-то — снаряжали вельбот, готовясь к очередному выходу в море.

Авторизованный перевод с чукотского А. СМОЛЯНА.



ГОРЬКОВСКИЕ СПЕКТАКЛИ

Драматургия Горького давно занимает ведущее место в репертуаре советских театров, и интерес к ней продолжает расти. В театрах Москвы сейчас идут почти все пьесы Горького. Немало интересных и ярких постановок горьковских пьес дали в минувшем году театры Ленинграда, Киева и многих других городов.

В ряду новых горьковских спектаклей должны быть особо отмечены две постановки пьесы «Достигаев и другие», осуществленные почти одновременно в Ленинграде и Москве: в Большом драматическом театре имени Горького (режиссер — заслуженная артистка РСФСР Н. С. Рашевская) и в театре имени Ермоловой (режиссеры — народный артист РСФСР А. М. Лобанов и В. Г. Комиссаржевский). Особо отметить их следует потому, что пьеса «Достигаев и другие», несмотря на ее выдающееся идейное и художественное значение, имела до сих пор считанное количество постановок. На судьбе этой пьесы, несомненно, сказалась имевшая в свое время хождение версия о «несценичности» горьковской драматургии. Имело значение и то, что в пьесе «Достигаев и другие» очень силен элемент сатиры, а вкус к ней, как известно, был утрачен многими театрами.

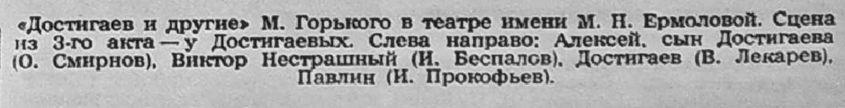
Новые постановки пьесы «Достигаев и другие» раскрывают всю значительность и остроту изображенного в пьесе конфликта — между мечущимися в панике и злобе защитниками старого мира, которых возглавляет Достигаев, и поднимающимся во весь рост новым хозяином жизни — народом. С первого появления на сцене народного артиста РСФСР В. Полицеймако, исполняющего в Большом драматическом театре роль Достигаева, зритель начинает пристально следить за каждым его движением. Все поступки Достигаева-Полицеймако проникнуты одним стремлением — найти выход, вывернуться, спасти себя, спасти капиталистический строй. Он хитрит, балагурит, играет словами, но за всем этим чувствуется повадка крупного хищника. Он присматривается к своим собратьям по классу, подсчитывает их силы и силы противника, прикидывает в уме, какой избрать в новых условиях путь борьбы. Достигаев (как это выясняется во втором действии) отказывается от перспективы простого «приспособления» к новому строю. «Которые поумнее, спасутся, значит... Это все-таки утешение... для дураков!» — в этих словах и в тех, которые следуют за ними — о необходимости «приспособиться» только на время, для виду, чтобы «подставить ножку» новому строю на «крутом» пути,— зерно всей роли у Полицеймако. В третьем действии артист окончательно обнажает сущность Достигаева. С каким цинизмом, готовясь к будущей «деятельности», он декламирует, фальшиво-патетические фразы о «дедах и прадедах», которые «из рабочих вышли», о «преступлении против народа» и т. п.! Достигаев определил наконец нужную ему тактику — тактику гнуснейшего двурушничества и обмана.

Артист театра имени Ермоловой В. Лекарев раскрывает образ Достигаева по-своему. Его Достигаев не сбрасывает с себя маску даже наедине с близкими ему людьми. Пожалуй, только в моменты острого испуга, при звуках близких выстрелов, он утрачивает избранную им для себя манеру держаться, забывает о своих ужимках и прибаутках. Но за всем этим тоже чувствуется скрытая сила сопротивления, сила, рожденная страхом и заведомо обреченная, но все-таки опасная. Запоминается характерная усмешечка Достигаева-Лекарева, в которой и хитрость, и затаенный испуг, и циничное презрение к людям. И Полицеймако и Лекарев разоблачают не просто Достигаева, а «достигаевщину» — именно в этом сила двух новых спектаклей. Правда, придирчивый критик отметит, что у Лекарева иногда в «достигаевщине» растворяется живой, многогранный характер Достигаева, с его купеческими повадками, специфическим юмором и т. п.; а Полицеймако, желая опровергнуть представление о Достигаеве как о жалком приспособленце, порою уж слишком демаскирует этого хитрого, коварного врага. Но эти недостатки, которые, несомненно, будут преодолены исполнителями в дальнейшей работе, не могут заслонить основного: спектакли показывают, как достигаевы — империалистические хищники, испуганные наступлением революции,— вырабатывали новую тактику борьбы, гнусную тактику действия «тихой сапой», ту самую тактику двурушничества и вредительства, которой и сейчас пользуется подлейшее вражеское отребье.

С разной глубиной и яркостью



Бородатый солдат — заслуженный артист РСФСР И. Соловьев (театр имени М. Н. Ермоловой).



«Достигаев и другие» М. Горького в театре имени М. Н. Ермоловой. Сцена из 3-го акта — у Достигаевых. Слева направо: Алексей, сын Достигаева (О. Смирнов), Виктор Нестрашный (И. Беспалов), Достигаев (В. Лекарев), Павлин (И. Прокофьев).





Шура Булычова (О. Николаева) и Рябинин (заслуженный артист РСФСР Ф. Корчагин).

в спектаклях показаны «другие», окружающие Достигаева. В лице заслуженной артистки РСФСР Л. Ордынской театр имени Ермоловой нашел превосходную исполнительницу роли жены Достигаева — Елизаветы. У Ордынской это не просто «веселящаяся», пустая и развратная женщина, живущая по принципу: «Пропади все пропадом». Достойная соратница Достигаева, она меньше всего собирается пропадать. В ней видна хватка хитрого, циничного и не брезгающего никакими средствами дельца. На верном пути и ленинградская исполнительница этой роли — заслуженная артистка РСФСР В. Соболева. Но гораздо менее раскрыты в обоих спектаклях образы младших Достигаевых — Алексея и Антонины: театры, словно сговорившись, допускают в трактовке этих образов одни и те же ошибки. В московском спектакле Алексей жалок и непроходимо глуп: он (это офицер-то!) со всей готовностью кладет по просьбе перепуганного папаши пистолет в чашку с водой. В ленинградском спектакле Алексей на протяжении всех трех актов настолько пьян, что еле держится на ногах. Ни в том, ни в другом Алексее нельзя разглядеть завтрашнего оголтелого белогвардейца, а увидеть его надо, чтобы стал более ясен сам Достигаев. Чрезмерно и искусственно драматизирована в обоих спектаклях, особенно в ленинградском, Антонина.

Талантливо играют купца-самодура Губина народный артист РСФСР А. Лариков у ленинградцев и артист С. Гушанский у ермоловцев. Есть немало верно найденных штрихов в игре и у других исполнителей ролей врагов революции, тех исполнителей, которые владеют искусством сатирического «сгущения». Но отдельные образы в спектаклях не «сгущены», а разжижены,— это особенно относится к супругам Звонцовым. Опять-таки, словно сговорившись (трафареты неизбежно возникают там, где режиссеры и исполнители идут по линии наименьшего сопротивления), оба театра превратили Варвару Звонцову, грубо помыкающую своим мужем под диктовку Достигаева и Мелании, в резонерствующую, нервозную дамочку суфражистского типа, а самого Звонцова сделали смешным и жалким. Между тем в момент, изображенный в пьесе, Звонцов переживает высший «взлет» в своей жизни и отнюдь не так безобиден, как это изображено в спектаклях. Этот губернский Керенский, искренне воображающий, что именно он «делает историю», маскирует мобилизацию контрреволюционных сил: пока звонцовы звонят — достигаевы достигают. Театры же пренебрегли этим и, отойдя от подлинной сатиры, обнажающей сущность социальных сил, стали юмористически обыгрывать внешние, несущественные черточки.

Больше удач у театров в решении положительных образов пьесы. Нельзя не радоваться успеху молодых артисток Р. Губиной (у ермоловцев) и В. Осокиной (у ленинградцев), своеобразно и ярко показавших пробуждение человеческой личности в забитой монастырской служке Таисье. Сильно, искренне играет Глафиру артистка З. Карпова (Ленинград). Зритель с особенным удовлетворением отметит удачу обоих театров в сценическом воплощении образа большевика Рябинина. Заслуженный артист РСФСР Ф. Корчагин (театр имени Ермоловой) просто, но выразительно лепит фигуру рабочего-революционера, большевистского вожака, пропагандиста и воспитателя. Артиста можно упрекнуть в том, что он недостаточно передает мудрый юмор Рябинина,— это как раз передано с большой силой и обаянием в игре Н. Корна (Большой драматический театр).

Очень важен в пьесе эпизодический, но несущий в себе огромное содержание образ Бородатого солдата — представителя пробудившихся многомиллионных народных масс, повернувших штыки против «своих» капиталистов и поднявшихся на священную революционную войну ради мира и счастья: «Мы решили уговорить все народы: долой войну, братья-товарищи!» У ленинградского артиста В. Лобунько, играющего эту роль, исполнение несколько ослаблено нотками благодушия. В спектакле ермоловцев подлинной эпической широты достигает в этой роли заслуженный артист РСФСР И. Соловьев. Его Бородатый солдат и добродушен, и суров, и беззлобно шутлив, и исполнен гнева против угнетателей. Такой не станет издеваться над капитулирующим врагом, но и глаз с него не спустит. Два талантливых театральных коллектива создали спектакли во многом разные, но близкие друг другу своей целеустремленностью, своим боевым духом. И если эти спектакли еще не доставляют зрителю полного удовлетворения, то не столько из-за отдельных актерских неудач, сколько из-за многочисленных постановочных излишеств. Так, на протяжении всего первого действия в спектакле Большого драматического театра гремит музыка; она то доносится из буфета, то, если можно так выразиться, выходит непосредственно на сцену (когда пляшущий пьяный Губин вытаскивает в гостиную скрипача). Сменяющие друг друга вальсы и марши заглушают немало важных реплик и вступают в прямое противоречие с текстом Горького. К помощи музыки и танцев прибегли почему-то и ермоловцы, которые, кроме того, заставили сцену вращаться, чтобы действие могло переноситься из вестибюля купеческого клуба в отдельный кабинет, где дамы танцуют со своими кавалерами танго. Портрет Александра III оказался перевешенным в кабинет, и, вероятно, поэтому одна из фраз, открывающих пьесу — фраза фабриканта Лисогонова: «Что, ваше величество, сынка-то у тебя — рассчитали!..», — потеряв своего адресата, была попросту вычеркнута режиссурой. Пожертвовала режиссура и частью диалога губернатора Бетлинга с купцами.

Ненужные режиссерские выдумки портят у ермоловцев замечательные финалы первого и третьего действий «Достигаева». Кто не помнит сцены, завершающей первое действие пьесы: древняя старуха Чугунова (артистка М. Лаврова) — эта Кабаниха, которую страх выгнал из ее логова,— взывает: «Все кричите... Всем миром надо кричать». За этим следует мрачный и злобный ответ Мелании (Е. Бамдасовой): «А где он — мир? Нет — мира...» Режиссуру такая концовка, обобщенно показывающая обреченность всех этих «призраков прошлого», не удовлетворила, и она присочинила свою, отвлекающую внимание от горьковского текста: гаснет свет, звучат вдалеке заводские гудки, лакеи вносят свечи,— словом, начинается забастовка. Так сделано и в финале пьесы, где полные гнева и презрения к «хозяевам» слова Бородатого солдата заглушаются громом пушечных выстрелов и он, по воле режиссеров, заключает пьесу Горького словами солдатской песни: «Эх, раз, эх, два, горе не беда...» В Большом драматическом театре тоже решили «усовершенствовать» концовку пьесы и дописали ее за Горького последней фразой Бородатого солдата: «А я вас покараулю»,— как будто зрителю и без того не понятно, что делает Бородатый солдат.

Мы убеждены в том, что все эти сценические эффекты и «довески» не нужны не только пьесе Горького, но и тем в целом верным, целеустремленным постановкам, о которых здесь идет речь.

Освободясь от этих отдельных, присущих спектаклям недостатков, постановщики и актеры еще полнее донесут до зрителя идеи Горького, его страстный призыв к бдительности, его непоколебимую веру в победу над всеми, даже самыми хитрыми и коварными врагами социалистического строя.

Б. БЯЛИК

Фото А. Гладштейна, Б. Рябинина, Л. Коровина.



В Ленинградском Большом драматическом театре имени М. Горького. Сцена из 2-го акта. Слева направо: Достигаев (народный артист РСФСР В. П. Полицеймако), Рябинин (Н. П. Корн), игуменья Мелания (заслуженная артистка РСФСР А. В. Никритина).

НАРОДНЫЙ ЛЫЖНЫЙ ПРАЗДНИК

На трассе эстафетной гонки
Фото П. Беззубенко.

Письмо из Петрозаводска

В воздух взвивается зеленая ракета, и 35 лыжников, одетые в красные, синие, белые спортивные костюмы, устремляются вперед. Старт дан! Каждый из спортсменов бежит к лесу и скрывается за елями. Энергично отталкиваясь палками, гонщики набирают скорость.

В эстафетном беге — при общем старте — важно первым выскочить на основную лыжню, возглавить гонку. Быстрее других удается преодолеть начальные 150—200 метров в пойме реки Лососинки наиболее хорошо подготовленным спортсменам — закройщику артели «Кустпромкож» Абрамову и динамовцу Репину. Лидеры без малейшей задержки взбираются на горку и скрываются в лесу по хорошо укатанной лыжне.

...Эстафетным бегом мужчин 4 по 10 километров открылся народный лыжный праздник Карело-Финской ССР.

Более 400 лучших лыжников и лыжниц из городов, колхозов и лесных поселков: заводские рабочие, лесорубы, сплавщики леса, рыболовы, трактористы, машинисты, студенты — трудящиеся самых разнообразных профессий собрались в Петрозаводске, чтобы померяться силами в гонках, в прыжках с трамплина, слаломе. В этих краях любят лыжи: зима здесь длинная. Снег покрывает землю почти шесть месяцев в году, и лыжи прочно вошли в быт населения: на них ходят на работу, в лес, в школу, из поселка в поселок, по делам или в гости, на охоту или на рыбалку. Лыжный спорт в Карело-Финской ССР стал подлинно народным.



Пять дней морозную тишину петрозаводских лесов нарушали характерные звуки скользящих по снегу лыж, звонкие, задорные голоса молодежи, горячие споры зрителей.

Лучших результатов в мужской и женской эстафете достигли команды «Динамо».

Спортсмены этого общества завоевали первые места и в ряде других гонок.

По установившейся здесь традиции, на каждом народном лыжном празднестве выявляются абсолютные чемпионы республики. Чтобы завоевать это звание, надо обладать весьма разносторонней лыжной подготовкой — в гонках на различные дистанции и в слаломе.

Исключительно острая борьба разгорелась за это почетное звание среди женщин. Победу одержала 23-летняя комсомолка из района Калевалы, рабочая Кемской сплавной конторы Людмила Лукина («Красная звезда»).

Звание абсолютного чемпиона среди мужчин присуждено динамовцу Алексею Костылеву.

В. КОЛЛЕГОРСКИЙ

← Абсолютная чемпионка Карело-Финской ССР лыжница Людмила Лукина.
Фото Н. Клишко.



Из почты «Огонька»

На подледном лове

Озеро Эворон богато рыбой. Зимой оно промерзает до дна. Рыба, инстинктивно чувствуя угрожающую ей опасность, с наступлением первых холодов уходит зимовать в реки, впадающие в озеро. Особенно много рыбы скапливается зимой в реке Эвур. Если лед на реке расчистить от снега, то почти в любом месте под метровой толщей прозрачного льда, как в большом аквариуме, видны крупные рыбы.

Зимой сюда съезжаются с неводами колхозные рыбаки и бригады государственных организаций. На протяжении более двухсот километров вверх по течению реки разбросаны теплые землянки и палатки рыболовецких бригад.

Ежедневно на новых участках пробивают рыбаки лунки во льду. Через них с помощью длинного шеста протягивается подо льдом невод. Концы невода выводятся в большую, «выборочную» майну, через которую он вытаскивается наружу с пойманной добычей.

В Эвуре ловится главным образом крупный карась; отдельные экземпляры его весят до килограмма.

Нанайцы — прирожденные рыбаки и охотники. С утра до позднего вечера в лютые морозы, при ледяном ветре они на воздухе.

На снимке: одна из лучших рыболовецких бригад нанайского колхоза «Горым-Кусу» села Симасы, Комсомольского района.

Кинооператор В. ГУЛИН

Хабаровск.

Старый бук



Этому буку больше трехсот лет. Он в восемь обхватов толщиной. Это один из сохранившихся представителей старого колхидского леса. Таким лесом когда-то были покрыты склоны гор, на которых сейчас расположен Батумский ботанический сад.

А. АНЖАНОВ

Батуми.

Из блокнота натуралиста

Хорек и ястреб

Эту историю рассказал мой приятель лесник Тимофей Боровик.

Прошлым летом сын лесника Ванюшка принес из леса какого-то зверька.

— Папа, посмотри, какую куничку я принес из леса!

Лесник взглянул на принесенную сыном «куничку».

— Да это маленький хорек! Он вырастет — всех наших кур передушит.

— Нет, папочка, он не тронет. Я его никуда не выпущу.

— Ну, ладно. Посади его в ящик и поставь в углу возле печки.

Сын кормил хорька молоком. Он быстро подрос и стал вылезать из ящика.

Однажды приходит лесник домой с обхода, смотрит: в углу рядом с хорьком сидит молодой ястреб, еще плохо оперившийся.

— Ванюшка, знаешь, кого ты принес? Еще одного куриного душегуба. Что мне теперь делать с курами? Хорек будет «лущить» их ночью, а этот крючконосый — днем.

Ваня смущенно моргал глазами и молчал.

— Не обижай сына, пусть позабавится,— сказала жена.

Ястребенка мальчик кормил мелкой рыбой, мясом, творогом. Расти он стал не по дням, а по часам. Хорек и ястребенок привыкли друг к другу. Ваня станет птицу кормить, ястребенок возьмет кусок мяса, поднимет голову вверх, стараясь проглотить его, а хорек тут как тут. Пока ястреб проглотит куска два, хорек утащит все к себе в ящик.

Приходится Ванюше еще подкладывать. После кормежки ястреб забирался в ящик, а к нему под крылья залезал хорек, и оба засыпали.

Ястреба сын прозвал Антипычем, а хорька звал просто Хорем.

Когда в доме было очень тепло, Хорь, поев, любил улечься посередине кухни. Антипыч садился около своего приятеля и дремал. Выспавшись, Антипыч тихонько подкрадывался к Хорю, щипал клювом за хвост и отскакивал в сторону, как будто это не он сделал. Хорь медленно поворачивал голову к Антипычу, как бы говоря: «Отстань, Антипыч, не мешай спать!»

Только Хорь закроет глаза, Антипыч опять его дергает за хвост. Хорь сердито смотрит на Антипыча: «Перестань хулиганить, не то попадет!»

Но Антипыч не унимается. Хорь, притворившись, что спит, полузакрытыми глазами наблюдает за ястребом. И как только тот близко подкрадется к Хорю, он вскакивает, хватает ястреба за крыло зубами и начинает дергать, тряся головой.

— Закружилась наша карусель! — скажет жена лесника, наблюдая за их игрой.

Ястреб и хорек кружатся. Летит пух. Потом оба устанут и разойдутся отдыхать.

Так они проводят время зимой, а что будет делаться весной, не знаю.

Н. НИКОЛЬСКИЙ

Зарубежный юмор

СКОЛЬКО ЗА СОБОР СВЯТОГО ПЕТРА?

«Италия находится в нужде. Надо продавать американцам наши художественные сокровища»,— призывает итальянская правительственная печать.

Ее предложения запоздали. Уже в течение длительного времени ценнейшие произведения итальянского искусства систематически обращаются в доллары, конечно, за исключением тех художественных ценностей, которые заокеанские господа прихватили из Италии безвозмездно.

И все же от американцев ускользают некоторые слишком громоздкие произведения искусства, вроде собора святого Петра в Риме, падающей Пизанской башни или Дворца дожей в Венеции. Виной этому лишь проблема транспорта, до сих пор не разрешенная. В тот день, когда она будет наконец разрешена, некая дама из высшего долларового общества не станет больше говорить: «Мой муж купил одного Леонардо, но я не знаю, право, куда его девать, у меня полно этого добра»,— а скорее скажет: «Муж мой купил Дворец дожей, и я не могу придумать, что мне с ним делать. Он ведь устарелой архитектуры».

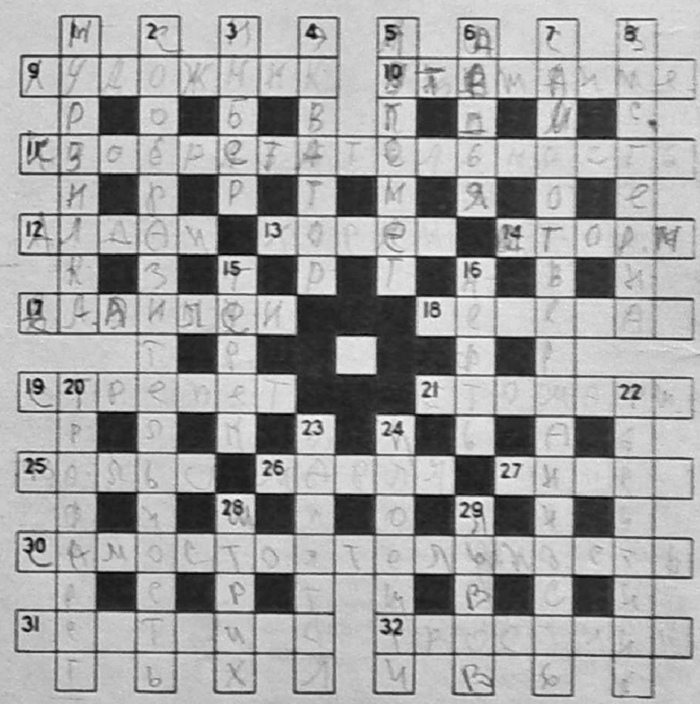
Ее подруга, возможно, добавит:

«Да что там Дворец дожей: мой Джимми договаривается о покупке Ватикана. Только у нас еще небольшая заминка с папой, он привык к Риму...»

«Лудаш Мати».
Венгрия.

В этом номере помещены четыре страницы акварелей «Там, где пройдет канал» и четыре страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД



По горизонтали:

9. Работник искусства. 10. Наставление, разъяснение. 11. Находчивость. 12. Приток Лены. 13. Хищный зверек. 14. Буря. 17. Великий итальянский физик, механик и астроном. 18. Река в Африке. 19. Степная птица. 21. Повесть Мусатова. 25. Танец. 26. Ткань, применяемая в медицине. 27. Минерал. 30. Независимость. 31. Часть дома. 32. Водяное или болотное растение.

По вертикали:

1. Детский журнал. 2. Понятливость. 3. Советская писательница. 4. Воображаемый круг, делящий земной шар на два полушария. 5. Автоматическое оружие. 6. Шахматная фигура. 7. Отказ от своих личных интересов для общего блага, героизм. 8. Резервуар. 15. Река на Кавказе. 16. Горючее вещество. 20. Шаблон. 22. Ивовый кустарник. 23. Знак препинания. 24. Город в Румынии. 28. Тонкая черта. 29. Город на Украине.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

1. Стопа. 4. Штиль. 8. Артиллерист. 13. Трек. 14. Домкрат. 15. Ноты. 18. Фельетон. 20. Фонетика. 21. Рогов. 22. Репатриация. 26. Грунт. 29. Диапазон. 30. Тепловоз. 32. Ишим. 33. Бумазея. 34. Бобр. 37. Дезинфекция. 38. Рогач. 39. Опись.

По вертикали:

2. Тара. 3. Приговор. 5. Тарханов. 6. Лист. 7. Флокс. 9. Штифт. 10. Неолит. 11. Корица. 12. Рысак. 16. Сенбернар. 17. Фестиваль. 19. Ноктюрн. 20. Фолиант. 23. Штатив. 24. Шевиот. 25. Сдвиг. 26. Голубика. 27. Телескоп. 28. Озеро. 31. Марфа. 35. Депо. 36. Фирс.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана

А 01766. Подп. к печ. 18/III 1953 г. Формат бум. 70×108¼. 2,625 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 233. Заказ 503. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.



1. Платье из светлой шерстяной ткани. Рукава цельнокроенные с полочками лифа и спинкой. От боковых швов застрочены вытачки по косому направлению.

Юбка прямая, трехшовная, с внутренними карманами. Боковые швы заутюжены на ребро, полочки и карманы широко отстрочены. Платье рекомендуется для размеров от 44 до 50.

Автор модели — Л. Ефремова (мастерские Главунивермага).

2. Платье из шерстяной ткани или плотного шелка.

Перед платья целый с расстроченным швом посредине, вытачками по талии и прорезными карманами. Полудлинные рукава с ластовицей, сзади цельнокроенные со спинкой. Спереди рукава, воротник и концы застегивающегося сзади пояса выкроены вместе с отлетным фигаро. От боковых швов на фигаро застрочены вытачки по косому направлению. Спинка платья отрезная по талии со швом и вытачками на лифе и встречной складкой на юбке. Цветок (работы художника А. Бутлер) и манжеты, подшитые к рукавам, из белого пике. Платье рекомендуется для размеров от 44 до 50.

Автор модели — А. Кузнецова (ателье № 42 «Мосиндодежды»).

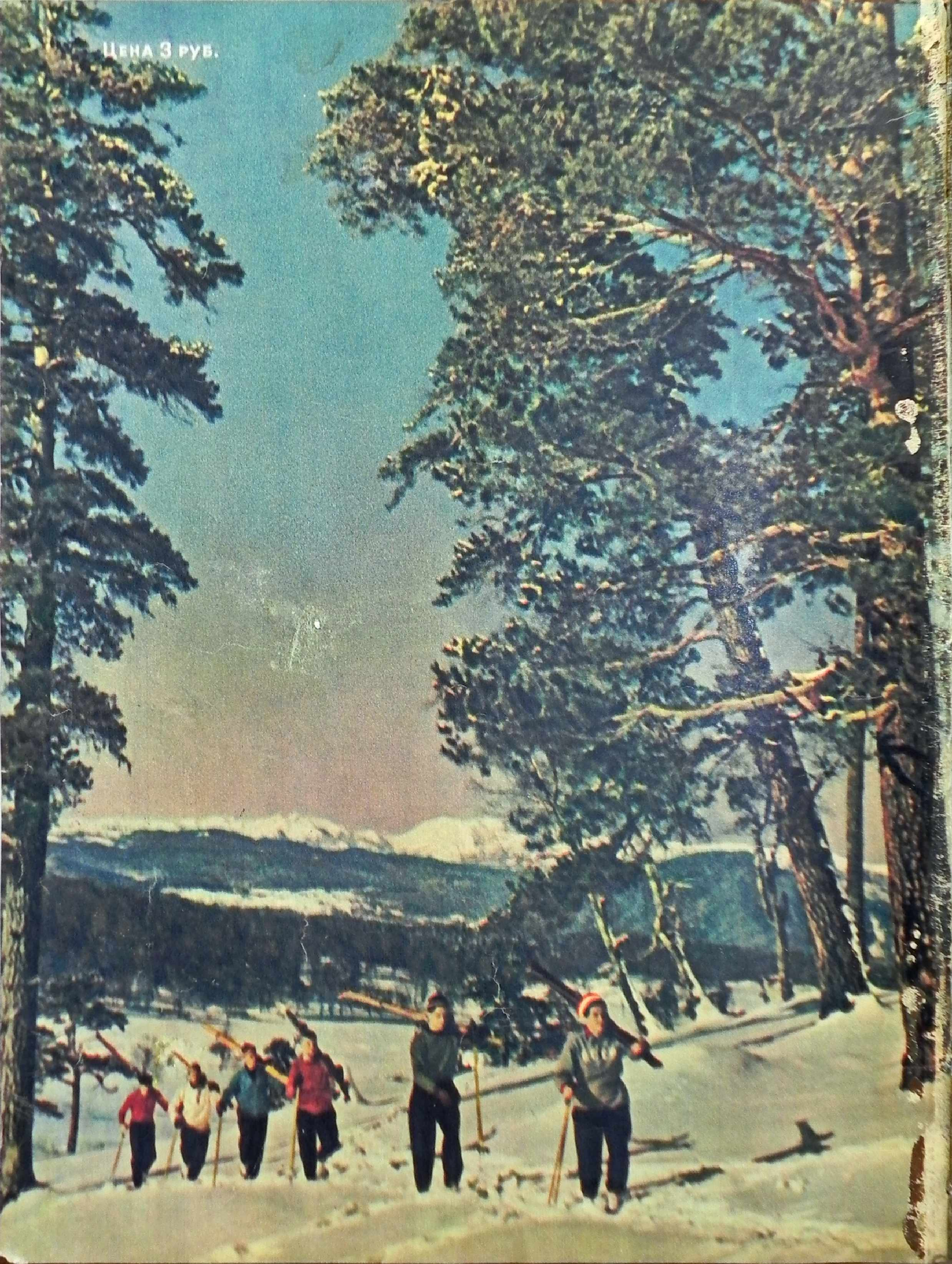
3. Платье из плотного шелка или легкой шерстяной ткани.

Полудлинные рукава цельнокроенные с полочками двубортного лифа и спинкой. Втачные бока лифа вшиваются в рукава в виде ластовицы. Вставка на лифе может быть темнее ткани платья или светлая. Поперечная восьмиклинная юбка выстрочена мелкими складочками-защипами, а долевые швы простречены поочередно с лица и изнанки. Фасон разработан для высоких и тонких фигур; для более полных женщин юбку рекомендуется делать прямую, гладкую.

Автор модели — А. Кузнецова (ателье № 42 «Мосиндодежды»).

4. Платье из шерстяной ткани. Рукава цельнокроенные со спинкой, спереди вшиты по линии реглан. На полочках лифа застрочены от талии наружные рельефные вытачки. Воротник-стойка спереди переходит в небольшие отвороты. Юбка прямая, трехшовная, с карманами.

Автор модели — В. Бутусова (ателье № 35 «Мосиндодежды»).


Цена 3 руб.